

Мы были юны,
мы любили

АНАСТАСИЯ
ТУМАНОВА

любвные тайны

Цыганская сага

Анастасия Туманова

Мы были юны, мы любили

«Автор»

2011

Туманова А.

Мы были юны, мы любили / А. Туманова — «Автор»,
2011 — (Цыганская сага)

ISBN 978-5-699-52115-9

В цыганском хоре не было певицы, которая могла бы сравниться с Настей – она была красивее, талантливее всех и, как оказалось, безрассуднее. К ее ногам бросали деньги и драгоценности, князь Сбежнев, московский аристократ, хотел жениться на ней. А она сбежала с таборным цыганом Ильей. Жизнь в таборе – особая, со своими законами, чужаков здесь не жалуют. Но Настя готова терпеть холод, голод, разлуку с родными – только бы быть с любимым... Сможет ли он ответить такой же любовью, а главное – преданностью? Роман также издавался под названиями «Любовь – кибитка кочевая», «Страсти таборных цыган».

ISBN 978-5-699-52115-9

© Туманова А., 2011

© Автор, 2011

Содержание

Пролог	5
Глава 1	13
Глава 2	19
Глава 3	31
Глава 4	40
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Анастасия Туманова

Мы были юны, мы любили

Пролог

Вечером четвертого мая 1888 года в Москву пришла первая гроза. Огромная туча вывалилась из-за Бутырской заставы и разом накрыла собой Петровский парк со знаменитым рестораном «Яр», Тишинский рынок, Большую и Малую Грузинские и Живодерку – маленькую, кривую и грязную улочку, сплошь населенную цыганами. Синие молнии перекатывались по черной громаде из конца в конец, от первого мощного удара грома с куполов церковей разлетелись галки, ветер трепал ветви лип, обрывая молодые листья. Обычно шумная, Живодерка мгновенно опустела: ее обитатели помчались по домам, и последних опоздавших загоняли в двери крупные, тяжелые капли дождя. Целая толпа молодых цыган – уже намокших, хохочущих, поминающих Илью-пророка и Богородицу – ввалилась в Большой дом. Строе-ние это, довольно старое, с покосившимся мезонином, выкрашенное облупившейся голубой краской, утопающее в цветущей сирени, вовсе не было самым большим на Живодерке, значительно уступая в размерах публичному дому мадам Востряковой и высоченной развалюхе купца Щукина. «Большим» его называли цыгане: здесь проживала семья Якова Васильева, дирижера известного в Москве цыганского хора. В Большом доме принимали гостей, проводили репетиции и прослушивания новичков, а также устраивали при необходимости общие сборы. Яков Васильев был вдов, при нем жила его сестра, тоже вдова, со своими детьми, а также дочь Настя, семнадцатилетняя солистка хора, покоровшая своим талантом всю Москву.

Со дня на день дочь хоревода должна была выйти замуж. Только вчера свершился наконец окончательный сговор между родителями: Настю сосватали цыгане из Петровского парка, известная и уважаемая семья Волковых. Яков Васильев дал согласие, Настя не возражала, хотя цыгане и решили между собой, что невеста могла бы выглядеть и порадостней.

«Да чего же ей веселиться-то?! – возмущалась Стешка, двоюродная сестра Насти и ее лучшая подруга. – Тоже еще, счастье несказанное, после сватовства самого настоящего князя за этого Волкова выходить! Такой же горлодер, как и все наши, разве что доходу побольше... Но ведь не сиятельный, не ваше благородие!»

Цыгане только похмыкивали, понимая, что Стешка права. Еще год назад в цыганском доме дневал и ночевал князь Сергей Сбежнев – герой турецкой войны, до смерти влюбленный в Настю и попросивший у хоревода ее руки. Яков Васильев растерялся так, что сначала отказал. Его можно было понять: случай действительно из ряда вон. Любую цыганскую примадонну обхаживало множество поклонников из богатейших сословий города, но жениться на цыганке? Князю? Представителю известнейшего дворянского рода? Подобного мезальянса в Москве не случилось давно. Сбежнев, однако, настаивал, и тогда Яков Васильев назначил выкуп: сорок тысяч. Князь согласился. Несмотря на звание и известность, он оказался совсем не богат, и вся осень и половина зимы у него ушли на то, чтобы собрать названную сумму. Цыгане радовались, предвкушая небывалую свадьбу. Настя встречалась с князем под надзором родственников в Большом доме, принимала знаки внимания жениха, от счастья не сияла, но и не печалилась, и все, думалось, уже сладилось.

Гром грянул перед самым Рождеством, за несколько дней до свадьбы. Князь Сбежнев неожиданно исчез из Москвы. Исчез, никого не предупредив, не переговорив даже с самыми близкими друзьями, не заехав к цыганам, ни слова не сказав невесте. Настя, свалившись в жесточайшей горячке, не вставала с постели. Цыгане всерьез беспокоились за ее жизнь, про-

клинали бессовестного жениха и хором говорили, что ничем другим эта история закончиться и не могла: виданное ли дело, князь – и цыганка! Сразу было ясно: пустая затея...

Через месяц Настя встала, исхудавшая и бледная. Еще через неделю начала снова выезжать с хором в ресторан: она была ведущей солисткой, и без ее участия в выступлениях доходы хора заметно упали. Все, казалось, понемногу становилось на свои места, но цыгане видели, что Настя уже не та, что прежде. Больше не было слышно в Большом доме ее смеха; она почти не разговаривала с цыганами, не играла с подругами в горелки и «колечко», не плясала на праздниках. Что-то сломалось в семнадцатилетней девочке, потухший взгляд делал ее старше на несколько лет, возле губ появилась горькая, скорбная складка. Цыгане недоумевали: всем было известно, что Настя ни капли не любила князя. Тогда что же подкосило ее? Гордость? Самолюбие? Обида? Никто ничего не знал: Настя молчала, и даже Стешка, сестра и подруга, не смогла добиться от нее объяснений.

Весной неожиданно пришли свататься Волковы. Яков Васильев не сразу дал ответ, уверенный, что дочери сейчас не до замужества, но Настя, к его удивлению, тут же согласилась.

«Тоже мне, невеста... – бурчала все та же всеведущая Стешка. – Знаю я, отчего она замуж бежит...»

«Ну, скажи, скажи, отчего?!» – приставали заинтригованные цыганки.

«Сейчас вам! Вороны! Знаю – да не скажу, на иконе поклялась». И глазастое, большеное лицо Стешки выражало такую непоколебимость, что настаивать не решались даже очень любопытные.

Гром раскатывался над самой Живодеркой, и оконные стекла дребезжали от каждого удара, когда в нижнюю комнату Большого дома спустился Яков Васильев. Цыгане, сидящие возле стола и окружившие черный величественный рояль, разом перестали галдеть: хоревода побаивались. Яков Васильев, невысокий, все еще по-молодому стройный цыган лет пятидесяти, окинул всех неласковым взглядом и принялся шагать по комнате вдоль стены, заложив большие пальцы рук за пояс казакина. Изредка хоревод неодобрительно поглядывал на залитые дождем окна. Наконец проворчал:

– Принесла же нелегкая грозу эту... Как теперь до ресторана добираться?

– Доберемся, Яша, ничего. Кончится скоро, над заставой просветы уже, – подала голос из-за стола Марья Васильевна – сестра хоревода, пожилая цыганка с низким, красивым и звучным голосом.

– Настя где? Готова ехать? – отрывисто спросил Яков.

– Спит пока. Не беспокойся, разбудим, когда надо будет.

– А Смоляковы? Не появлялись? Черти таборные, где их третий день носит?! Митро, тебя спрашиваю!

– Да что ж я им – нянька?! – возмутился Митро, старший сын Марьи Васильевны, некрасивый, очень смуглый двадцативосьмилетний парень, первый бас хора, которого цыгане звали Арапо. – Они же мне того... не докладывались. Может, у Ильи дела какие... Может, лошади...

– А Варька? Тоже, скажешь, лошади?! Тьфу, не дай бог обратно в табор съехали... Все эти подколесные одним миром мазаны... Весной носом по ветру потянул – и только его и видно.

– Не должны бы... – неуверенно пробормотал Митро. – Илья мне слово давал...

– Ну, так где он, твой Илья?! – взорвался хоревод, и Митро на всякий случай переместился поближе к двери. – И сестрица его? Купцы в ресторане уже голоса посрывали, Смоляковых требуют! Кто «Глаза бездонные» петь будет? Паршивец, ну пусть явится только! Говорил же тебе: доглядай за ними, доглядай! Сколько волка ни корми – он все в лес норовит!

Митро сердито сверкал узкими глазами, ерошил и без того взлохмаченные волосы, молчал. Если бы Яков Васильев не был так сердит, он увидел бы, что племянник украдкой посматривает на молодых цыган, сидящих на полу возле двери, и те отвечают ему такими же встрево-

женными взглядами. Но хоревод ожесточенно мерил шагами комнату, хмурился, тер пальцами подбородок и, думая о своем, ничего не замечал.

Марья Васильевна оказалась права: через час гроза унеслась за Москву-реку, и над городом раскинулось чистое небо, подсвеченное на западе розовым закатом. За Таганкой еще погромыхивало, мокрые ветви сирени роняли в палисадник капли, вся Живодерка блестела от луж, но дождь уже прошел. Пора было идти в ресторан на работу, и Большой дом начал заполняться цыганами: солистками в строгих черных и белых платьях, с высокими прическами, плясуньями в легких юбках, гитаристами с зачехленными инструментами в руках. Митро, стоя у рояля, настраивал гитару.

– Не мучайся, все равно по дороге от сырости спустят, – посоветовал Яков Васильев. – В ресторане настроишься. Эй, Маша! Ну, где там Настя, добудиться, что ли, не можете? Так я пожарников из части вызову! Та-а-ак... Ну, что еще?

Последние слова хоревода относились к Стешке, которая спускалась по лестнице с верхнего этажа. Шла она неохотно, цепляя ногу за ногу, и на ее физиономии было выражение крайнего замешательства.

– Ну, что? Где Настя? – нетерпеливо спросил Яков Васильев, подходя к лестнице. Стешка прижалась спиной к стене, зажмурилась и выпалила:

– Нету!!!

В комнате разом стихли разговоры. Все головы повернулись к бледной Стешке. Яков Васильев одним прыжком оказался рядом с племянницей. Стешка приоткрыла один глаз, тут же зажмурилась снова и пропищала:

– Нету Настьки... Только постеля разобрана, а ее самой...

Яков Васильев сел как подкошенный на ступеньки и сделал то, чего не видел еще ни один хоровой цыган: схватился за сердце.

– Свят-господи, так и знал... – хриплым шепотом проговорил он и тут же рявкнул: – Кто ее последним видал?! Митро! Маша! Стешка! Говорите, ироды, чертей вам под хвосты!!!

Тишина – и взрыв голосов. Испуганные цыгане орала во все горло, божась, что не видели Настю со вчерашнего дня. Марья Васильевна помчалась вверх – проверять, на месте ли Настины вещи. Следом ринулись остальные цыганки. В общей суматохе не принимал участия только Митро, который стоял у дверей со скрещенными на груди руками и о чем-то напряженно думал. Он даже не сразу почувствовал, что его дергают за рукав. Но дергающий не успокаивался, и наконец Митро, вздрогнув, повернулся и сумрачно спросил:

– Чего тебе, Кузьма?

Шестнадцатилетний цыганенок с хитровой чумазой физиономией и быстрыми, как у зверька, глазами усиленно замигал, мотая взлохмаченной головой на дверь:

– Выйдем, Трофимыч... Разговор есть...

– Какой разговор, очумел? Не видишь, что творится?!

– Так и я о том! Идем, Трофимыч, пока не приметил кто...

Митро еще раз окинул взглядом зал, но цыгане были слишком захвачены происходящим и не увидели, как двое из них украдкой покинули Большой дом.

На улице Митро взял Кузьму за плечо.

– Ну, говори. Пойму, что врешь, – уши оборву!

– Очень надо! – обиделся Кузьма. – И не держи так, больно... Тут вот что, Трофимыч. Настьку я видал.

– Когда? – тихо спросил Митро. – С кем? Где?

– Да нигде! И ни с кем... Два часа назад ко мне влетела. – Кузьма кивнул на дом через дорогу. – Прямо из дома, вижу, прибежала, в платье своем черном, без шляпы даже. И давай выпрашивать – где да где Смоляко...

– Смоляко? – еще тише переспросил Митро. – Наш? Илья?!

– Да Илья же!

– И что ты ей, каторжная морда, сказал?! – Митро снова с силой сжал плечо цыганенка, но тот сердито вырвался.

– А что ты на меня-то?! Она, промежду прочим, реветь начала белугой! В голос, как по мертвому! Кричала, что ежели я ей не скажу, она под пролетку бросится! И бросилась бы! Настыку ты, что ли, не знаешь? Душа у меня не терпит на ейные рыдания глядеть!

– Так ты ей сказал?! – загремел Митро на всю улицу.

– Ну, сказал... – буркнул Кузьма. – А куда деваться было? Она еле дослушала, за дверь кинулась, на извозчика прыгнула – и только и видели...

– Да что ж ты, нечисть, сразу ко мне не пришел?! Господи, где ремень, я сейчас этого поганца... – Митро в самом деле схватился за пояс, и Кузьма мгновенно, как уличный кот, вскарабкался на огромную ветлу у забора. Свесившись с дерева, цыганенок пояснил:

– Вот потому и не пришел. Шкура небось не купленная, а я ничем не виноватый...

– Тьфу, сатана... Ну, спустись только, не обрадуешься! – последние слова Митро крикнул, уже скрываясь за поворотом на Большую Садовую, где стояли в ожидании седоков несколько извозчиков. Кузьма, подождав на всякий случай немного, осторожно слез с ветлы, одернул рубаху, посмотрел по сторонам и побежал обратно в Большой дом, откуда уже на всю Живодерку разносились вопли и проклятия.

Извозчик оказался человеком сговорчивым и за двугривенный повез Митро через всю Москву на Таганку, где вместе с небогатым купечеством, рабочими, мастеровыми и старообрядцами издавна жили несколько цыганских семей. Это были кофари¹: в хорах они не пели, а занимались торговлей лошадьми, для чего и селились вблизи Конного рынка. Богатые, большие особняки Тверской, расписные дома замоскворецких купцов сменились понемногу низенькими одноэтажными домиками за покосившимися заборами, немощные улочки утопали в грязи, мокрая листва звонко роняла в лужи капли недавнего дождя. Небо уже темнело, и Митро подумал, что к выезду в ресторан он никак не успеет.

– Станови здесь, – сквозь зубы приказал он извозчику, когда они свернули в тесный темный проулок, сплошь заросший яблонями и липами. – Да смотри дождись меня!

– Не бойсь, Трофимыч... – пробасил извозчик. И тут же залюбопытствовал: – А что у вас за баталья сегодня приключилась? Ажно на Садовой слышать было, как Яков Васильич разорылся... Опять, что ль, кто из теноров запил?

Митро только отмахнулся и, широко шагая, пошел прямо по лужам к дому. Войдя во двор, он споткнулся о лежащую в грязи подкову, выругавшись, отшвырнул ее сапогом, поднял голову – и остановился, встретившись глазами со стоящей на крыльце молодой цыганкой.

– Варька? Фу-у, слава богу, здесь еще... Где Илья?

Варька не ответила. Красный закатный свет, неожиданно пробившись сквозь сизые полосы облаков на западе, упал на ее темное, худое лицо, резко обозначил густые, почти сросшиеся на переносице брови, большой нос, крупные, выпирающие вперед зубы. Полуприкрытые глаза Варьки смотрели через плечо Митро на садящееся в тучи солнце.

Варька и ее брат Илья, таборные цыгане, появились в Москве прошлой осенью. У Варьки был сильный бархатистый альт и бесконечное дыхание. У Ильи оказался невероятной красоты драматический тенор, который позже приводил в восторг даже профессоров консерватории. Таборных прослушал Яков Васильев и сразу же взял их в хор. К зиме Смоляковы уже были известны всей Москве, а у Варьки, к немалому изумлению брата и ее самой, даже появилась свита поклонников.

В своем таборе Варька считалась некрасивой. К двадцати годам ее ни разу не сватали: ни одна таборная мамаша не решалась взять за своего сына «ворону носатую» с зубами «как

¹ Барышники.

у щуки». Но гостям ресторана неожиданно пришлось по душе смуглое до черноты, резкое и строгое лицо кочевой цыганки, ее черные с синим отливом косы до колен и огромные, темные, без блеска, глаза под мохнатыми ресницами. Также очень ценилась Варькина манера исполнения романсов: сдержанная, без лишних эффектов, но с прорывающимися иногда живыми, страстными нотами, от которых даже у искушенных слушателей мороз шел по коже. Варьку в Москве называли «степной княжной», «египетской принцессой» и «истинной дочерью полей», и на ее романсы съезжались толпами. Доходы хора с появлением в нем Смоляковых выросли чуть не вдвое, но хоровод не спешил радоваться: «По весне все едино смоятся. Знаю я этих голодранцев таборных – одни кони в голове».

Старый дирижер не ошибался: Илье, кофарю и конокраду, не мыслящему своей жизни без кочевья, сидение в Москве надоело еще задолго до прихода весны, и он не съехал назад к своим посреди сезона только из-за Насти. Все до одного цыгане знали: Илья Смоляко потерял голову в тот же день, как увидел дочь дирижера. Ведал об этом и Яков Васильев, но все-рез к страсти таборного парня не относился: Настя в то время готовилась выйти замуж за князя и Ильей ничуть не интересовалась. Никто никогда не видел, чтобы они разговаривали наедине. Никто не замечал хоть малейшего внимания Насти в ответ на молчаливые, упорные взгляды Ильи. К тому же у Ильи имелась любовница: купеческая жена Лизавета Баташева, к которой он втихую бегал всю зиму. Имя своей замужней пассии Илья скрывал. Цыгане были уверены, что Смоляко крутит любовь с баташевской горничной, которая храбро взялась «прикрывать» барыню и ее сердечного друга, но три дня назад все неожиданно вышло наружу. Муж Баташевой, известнейший московский купец, зиму пробывший на соляных копях в Перми, неожиданно, без предупреждения, на ночь глядя нагрянул домой. Илью скрутили приказчики во дворе баташевского дома и убили бы, не подоспей на выручку молодые цыгане во главе с Митро. А Лизавету Матвеевну спасти было некому, и муж избил ее до смерти прямо в комнате с разобранной супружеской постелью, на которой она ждала любовника. Купца Баташева в состоянии полной невменяемости забрали в участок; Илью с разбитой головой цыгане отволокли на Таганку к кофарям Деруновым, справедливо рассудив, что там его никто искать не станет. Варька осталась при брате, и Митро уже знал: в хор эти двое больше не вернуться. Лизавету Баташеву схоронили на Рогожском кладбище, Настя выходила замуж, и Илью теперь ничто не держало в Москве.

– Как башка у Ильи, зажила? – Митро поднялся на крыльцо и встал рядом с Варькой. – Говорил я, что ничего ему не будет. У конокрадов головы крепкие, лупи их хоть колокольной – нипочем... Да где он? Дрыхнет до сих пор? Варька, ты... да ты ревешь, что ли?!

Митро резко поднял за подбородок Варькину голову. Та немедленно отбросила его руку, но уже не могла скрыть бегущих по лицу слез. Митро, нахмурившись, ждал, пока Варька вытрет глаза рукавом, высморкается в край передника и переведет дух. Затем, глядя в сторону, глухо сказал:

– Ладно... знаю я. Настька к нему прибежала? Это правда?

Варька молча кивнула.

– Ты знала?

– Нет.

– Не ври! – повысил голос Митро.

Варька ответила, не поднимая глаз:

– Не приучена, Дмитрий Трофимыч. Не кричи на меня.

– Прости, девочка. – Митро невольно смутился. – Не хотел. Но... как же это так? И ты не знала, и я не знал... и никто?! Ну, что Илья от Настьки ошалел, это, конечно, вся улица видела. Но она-то, она!.. Когда только сговориться успели?! Да любила она его, что ли?! Ведь...

– Любила, Дмитрий Трофимыч, – вполголоса сказала Варька, и Митро умолк на полуслове. – Еще как любила. А что не знал никто – так и слава богу. Настька гордая... Они с Ильей еще зимой сговорились, только не сладилось.

– Не сладилось? – машинально переспросил Митро.

Варька кивнула, прислонилась спиной к сырому от дождя косяку двери.

– Ты лучше сядь, Дмитрий Трофимыч, говорить мне долго...

Митро молча сел на крыльцо. Варька примостилась ступенькой ниже. По-прежнему не глядя на Митро, продолжила:

– Знаешь, почему князь Сбежнев из Москвы уехал? Вы думали, он Настьку бросил, не захотел на цыганке жениться. А она перед этим сама к нему домой пришла, все его подарки назад принесла и сказала, что не выйдет за него, потому как Илью любит. Помнишь, перед Рождеством самым?..

– Так вот откуда она тогда на ночь глядя вернулась... – пробормотал Митро. – А мы-то чего ни думали...

– Да. Только Илья увидел, как Настька к князю в дом заходила. Проследил за ней, что ли, или просто ненароком там оказался... – Варька вздохнула. – Ну, сам знаешь, что началось. Илья, он ведь говорит сперва, а потом уж думает... если вовсе думает. В таборах-то за то, что девка к мужику домой бегают, косы режут.

– Так это что же он, поганец, решил? Что Настька... Что наша Настька?! То-то они до самой весны друг с другом не здоровались... А мне и в голову не приходило... – Митро мучительно тер кулаком лоб. – Мы-то все думали, что он полюбовницей тешится...

– А сегодня, прямо перед грозой, Настька сюда прибежала. Как они договорились, я не знаю: я в таборе была, за Рогожской цыгане стоят. Илью с Настей уж вдвоем на дороге встретила, когда возвращалась.

– Так они?.. – Митро привстал.

Варька спокойно потянула его за руку.

– Сиди, Дмитрий Трофимыч. Уехали они с цыганами. Догнать, конечно, еще можно, только ни к чему. Я брата своего знаю. Настя уже жена ему, он ее назад не отдаст. Зубами грызть будет, жилы рвать, а не отдаст. И она не пойдет от него, хоть зарежь. Или ты ей несчастья хочешь?

– Может, не успел еще, сукин сын... – простонал сквозь зубы Митро, но прозвучало это уже безнадежно. – Ах, проклятый, взялся на нашу погибель... И ведь я же сам его себе на голову в хор привел! Да чтоб мои ноги тогда отсохли и отвалились, куда же он Настьку-то нашу потащил?!

– Не потащил, а сама пошла, – ровно сказала Варька. – В табор, Дмитрий Трофимыч.

– Да место ей там разве?! Что она там делать будет?! – заорал на весь переулочек Митро. – Она – певица! Хоровая! На нее вся Москва ездила! А теперь гадать по деревьям начнет? Христа ради у заборов побираться? Картошку с возов воровать?!

– Успокойся, Дмитрий Трофимыч. Может, когда-нибудь и назад вернуться.

– Вернутся, как же! Кто им даст вернуться?! Да нам теперь бога молить надо, чтобы Яков Васильич Настьку не проклял! Она же замуж готовилась идти! Уже сговорено было, Яков Васильич свое слово дал! Ну и заварили же вы кашу, Смоляковы... На всю Москву теперь разговоров... – Митро умолк, сокрушенно опустив голову. Молчала и Варька. Вокруг все больше темнело. Со стороны Москвы-реки потянуло сыростью, вдоль кривых заборчиков вставал вечерний туман. Отовсюду доносился стрекот кузнечиков, где-то на кладбище тоскливо завывала на поднимающийся месяц собака.

– Дэвла², что ж теперь с хором-то будет? – медленно выговорил Митро. – Разом все голоса разлетелись. Настька убежала, Илья смылся, ты... Эй, а ты-то, может, останешься, Варька, а?! Без тебя-то как? Без тебя низы гроша не стоят! А «Ветер осенний» кто петь станет и «Лучину»? А «Луной был полон сад»?!

– Смеешься, Дмитрий Трофимыч? – усмехнулась, глядя в сторону, Варька. – Как это я останусь? Мне только при брате быть, больше никак. Не цыган ты разве, что я тебе объяснять должна?

– Так ведь и мы тебе родня, – не очень уверенно сказал Митро. – Мой двоюродный брат из вашего рода жену взял, забыла? Оставайся хоть ты, Варька, с Яков Васильичем я поговорю, тебя он примет, твое дело – сторона! Да и тебе в хоре-то лучше, чем по грязи за телегой скакать! Что тебе в таборе, кому ты там... – Митро запоздало спохватился, умолк. Через минуту смущенно покосился на Варьку. Та сидела не двигаясь, не говоря ни слова. В сгустившихся сумерках не видно было ее блестящих от слез глаз.

– Не могу я, морэ³. Не могу, – проглотив наконец вставший в горле ком, ответила Варька. – Ты вот поминал, что Насте в таборе тяжело будет. А без меня они с Ильей и вовсе пропадут. Кто там около нее будет, кто помогать станет? Еще и бабы эти наши, языки без костей, смеяться станут по первости... Нет, мне там, с ними надо быть.

– Ну, хоть осенью-то возвращайся! Все равно всю зиму в Смоленске на печи просидите! Сейчас сезон кончается, господа наши по дачам да Ялтам разъедутся, авось лето протянем как-нибудь, а осенью... Возвращайся, Варька! Денег заработаешь. Да и самой веселее будет, чем в деревне сидеть. Может, мы постараемся да мужа тебе какого-никакого сыщем...

– Ну, вот еще радость на мою голову... – без улыбки отмахнулась Варька.

– Да дураки наши цыгане, – глядя на нее, серьезно сказал Митро. – За такую девочку, как ты, шапку золота отдать не жаль, а им... Глазки-зубки подавай да мордашку. Дураки, и все.

– Не шути, Дмитрий Трофимыч, – сдавленно прошептала Варька.

– А я и не шучу. – Митро встал. – Что ж, девочка... Счастливой дороги. Илье передай, встречу – убью. А ты, гляди, возвращайся осенью. Дай слово, что вернешься!

– Слова давать не буду, – твердо ответила Варька. – Вот если сложится у Насти с Ильей хорошо – тогда приеду, видит бог. Прощай, Дмитрий Трофимыч. Удачи тебе.

– Эх... Прощай, девочка.

Митро быстро сбежал с крыльца, не оглядываясь, пересек двор и скрылся в темноте. Варька осталась сидеть, сгорбившись и уткнувшись лицом в ладони. Плечи ее дрожали, но рыданий слышно не было. Когда рядом скрипнула дверь и по крыльцу протянулась полоска света из дома, Варька испуганно выпрямилась, замерла. На крыльцо вышла Феска – жена старшего из братьев Деруновых.

– Уехал? – шепотом спросила она. – А я сижу как мышь под веником, высунуться боюсь, думаю – под горячую руку и мне достанется... – Вытянув шею, она посмотрела через забор, убедилась, что Митро не видно, и фыркнула: – Дураки ему, понимаете ли, цыгане! Взял бы да сам на тебе женился, раз умный такой! Жена еще по зиме померла, так что-то новую взять не торопится, а все по девкам срамным бегаёт!

– Брось... Шутил человек, а ты разоряешься. Пойду я лучше телегу уложу да гнедых запрягу. Узлы готовы, быстро управлюсь.

– Куда тебя на ночь глядя несет?!

– Как куда? – усмехнулась Варька. – У брата свадьба играется, а я тут сидеть буду? А утром мы сразу – прочь...

² Господи.

³ Дружеское обращение к мужчине-цыгану.

– Вот что, пойду-ка и я с тобой, – решила Феска. – Хоть потом Васильевым расскажу, что честная свадьба была. Чего Яков Васильичу зря переживать-то... Эх, жаль, наших больше никого нету...

– Правильно говоришь, – помолчав, сказала Варька. – Спасибо тебе.

Цыганки пошли через двор к конюшне. Месяц поднялся над засыпающей Москвой, и собака на кладбище завывала еще громче. В глубине сада шелкали соловьи, туман понемногу затягивал опустевшую улицу. С востока черной сплошной пеленой двигалась новая туча.

Глава 1

Еще одна гроза отгремела к рассвету, и утро над Москвой занялось ясное и свежее. Молодая трава за заставой вся полегла от ночного ливня, дорожные колеи были полны водой. Табор, стоявший на третьей версте, снялся с места еще затемно, не оживляя залитых дождем костров, и только оставшиеся угли темнели посреди пустого поля. Солнце давно поднялось над мокрым полем, засветились золотыми пятнами купола московских монастырей, прозрачное небо наполнялось чистым голубым светом. О грозе напоминала только узкая полоска облаков, спешащая пересечь горизонт вслед за давно ушедшей тучей. На один из скособоченных стогов сена, сметанных возле маленького лугового пруда, упал с высоты жаворонок. Посидел немного, ероша клювом перышки на груди, затем озадаченно прислушался к чему-то, склонив головку, – и тут же с испуганным писком взмыл в небо. Прошлогоднее мокрое сено зашевелилось, и из него вылезла черная, встрепанная, вся в соломенной трухе голова.

– Тыфу ты, пропасть... – проворчал Илья, когда на него с верхушки стога градом обрушился поток ледяных капель. Поеживаясь, он вылез из сена, кое-как отряхнулся, с хрустом потянулся... и тут же вскочил на ноги как ошпаренный, разом вспомнив все, что случилось вчера.

Сначала они с Настей шли, потом, поглядывая на наползающую тучу, бежали к заставе; навстречу им попала Варька, которая, вместо того чтобы вместе с братом и его невестой мчаться к табору, вдруг объявила, что неплохо было бы прежде уладить дела в хоре. Илья справедливо возразил, что, после того как он увел почти из-под венца первую солистку, на Живодерке ему никто не обрадуется. Настя его поддержала:

– Бог с тобой, Варька, отец меня сразу задушит! А Митро помогать будет!

– Да не вам же туда идти! Я схожу. А лучше посижу у Фески, подожду, Митро к ночи наверняка сам явится. Поговорю с ним и к вам прибегу.

Поразмыслив, Илья согласился. Варька направилась к городу, они же с Настей успели добежать только до стога сена: дождь хлынул такой, что в табор бы они пришли мокрыми петухом и курицей, а Илье этого вовсе не хотелось. Устроившись рядом с Настей в пахучей сенной пещере, через минуту он понял, что никакой табор ему не нужен и никуда он сегодня уже не поедет, а если догонят, найдут и убьют – плевать...

– Настя... Настенька, лачинько⁴, девочка моя... – Голос его срывался и дрожал, дрожали и руки, по спине бежал пот, колючая солома лезла в глаза, царапала лицо, но Илья ничего не чувствовал. Полгода он ждал этого, полгода видел во сне ее тонкие руки, растрепанные, смявшиеся под его рукой косы, ее шею, плечи, грудь, до которой он дорвался, как спущенный с цепи кобель, разодрав надвое Настино платье и уронив голову в теплое, нежное, дрожащее...

– Илья... Господи, Илья, что ты делаешь... Ох, подожди, ой, сейчас... Да я сама, стой... Илья, подожди... Илья, послушай...

Какое там! Ничего он не слышал и ждать не мог. И только когда Настя разрыдалась в голос, остановился, словно на него вылили ведро ледяной воды.

– Девочка, что? Что не так?..

– Мне... Я... Мне больно, Илья. Не тронь меня, ради бога. Подожди...

Он растерянно отстранился от нее. Настя торопливо принялась вытирать слезы. Илья слышал, как она копошится рядом, в соломе, медленно приходил в себя, покаянно думая: добрался вшивый до бани, разве так с девками-то надо? Но беда заключалась в том, что, «как надо», он и сам толком не знал: девок у Ильи не водилось. Только Лиза, царство ей небесное...

⁴ Милая.

но она-то мужняя жена, ее ничем не напугать было, сама на него кидалась, как голодная на горбушку, а тут...

– Девочка, прости... Не хотел, ей-богу. Ну, поди ко мне, – он испуганно осекся, подумав: не захочет теперь, побоится, подождать бы малость... Но Настя тут же прижалась к нему, и Илья как можно бережней поцеловал ее в доверчиво раскрывшиеся губы, и она ответила, и еще раз, и еще, и еще... И все получилось в конце концов как надо. Настя плакала, но сквозь слезы уверяла Илью, что так положено, что так у всех и по-другому не бывает... Он успокоился, сгреб еще всхлипывающую жену в охапку и заснул, как умер, под шелест дождя и шепот ползущих по соломе капель.

Вспомнив обо всем этом, Илья поспешил нырнуть обратно в стог, чтобы разбудить Настю и убедиться, что минувшая ночь не пригрезилась ему. Но Насти в темной и душной соломенной пещере он не обнаружил. По спине пробежал мороз. Илья вылетел наружу и гаркнул на все поле:

– Настька!!!

Настя не отозвалась, зато за спиной Ильи послышался негромкий окрик:

– Э, морэ... Ты что ж наделал-то?

Голос был мужской. Знакомый. Илья еще не успел понять, кому он принадлежит, а по хребту уже поползли мурашки. В тяжелую со сна голову немедленно пришло самое страшное: пока он дрых, как медведь зимой, налетела по горячим следам Настькина родня, саму Настьку уже скрутили, как колбасу, и увезли домой, а его сейчас, в лучшем случае не до смерти, избыют. А окликнули лишь для того, чтобы не бить в спину. Рука сама собой дернулась к голенищу, за кнутом, которого там, разумеется, не было. В голове стучало одно: успела ли Настька хотя бы сказать, что теперь жена ему? Медленно, очень медленно Илья повернулся.

– Ну вот, чяво⁵, а ты – «напугается, напугается», – с сожалением заметил старушечий голос. – Напугаешь такого, как же! Ты на морду его взгляни! Чичас зубами грызть будет! Бедная Настька, за кого попала девочка наша, дэвлалэ...

Раздался дружный взрыв смеха – и Илья где стоял, там и сел. Придя в себя, он увидел, что поодаль, у зеленого прудика, расстелен ковер, на нем – скатерка, на скатерти стоит их с Варькой медный самовар с продавленным боком, а вокруг него сидят и угощаются чаем из Варькиных же кружек Ефим и Колька Деруновы, их жены (Феска тут же подмигнула Илье) и мамаша – старая Тюля, которой и принадлежала последняя фраза. Только сейчас Илья сообразил, что окликнул его старший Дерунов.

Ничего не ответив ехидной бабке, Илья молча нырнул в стог за рубахой, выбравшись оттуда, кое-как натянул ее, стряхнул с волос солому, перевел дыхание и лишь после этого как можно спокойнее сказал:

– Тэ явэньти бахталэ, ромалэ⁶, будь здорова, биби⁷ Тюля... А... где бабы мои?

Цыгане снова покатались со смеху. Ефим мотнул лохматой головой в сторону, Илья повернулся – и увидел свою телегу, возле которой бродили распряженные гнедые. Чуть поодаль стояли насупленная Варька со скрещенными на груди руками и – Настя. Илья замер, разглядывая ее.

Настя, еще вчера одетая в черное городское платье, была наряжена в широкую красную юбку, сборчатый фартук в больших цветах и почти новую, лишь слегка выцветшую на спине и плечах кофту с широкими рукавами. Илья сразу понял, что Варька отдала невестке свою лучшую одежду. Кочевой наряд ничуть не портил Настю, но было это все же... непривычно. В таборной одежде Настя казалась еще более хрупкой, беззащитной и потерянной. Стоя у телеги,

⁵ Парень.

⁶ Будьте счастливы, цыгане (приветствие).

⁷ Тетя.

она пристально, слегка испуганно смотрела на Илью, и у него снова закружилась голова от этих глаз. Но рядом на траве сидели цыгане, и Илья, подойдя, нарочито небрежно бросил:

– Настька, подай полотенце. Варька, полей мне...

Настя молча полезла в телегу. Варька черпнула ковшом из жестяного ведра и с чувством вылила ледяную воду на голову брату.

– Что ж делаешь-то, чертова кукла?.. – зашипел Илья. – Понемногу хоть! Почему тут Деруновы расселись? Объясни мне, в конце концов...

– Объяснять тебе, дураку? – в тон ему зашипела и Варька, яростно зачерпывая новый ковш. – Чего тут объяснять, когда ни мозгов, ни совести?! До табора Настьку довести не смог, кобель?! В копну тебе приспичило?! Нет бы подумать, что вам еще жить с ней! В таборе жить! У наших! Кто там ее знает, кто поверит, что она девкой тебе досталась?! Кто ее рубашку там увидит?! Хочешь, чтоб твою жену потаскухой цыгане называли? Скажут: «Без свадьбы, в кустах городскую взял, чтоб с ее чистой простыней не срамиться!»

– Кто скажет?! – вскинулся Илья.

– Да уж найдется кому, не беспокойся!!! – И Варька торопливо и сердито поведала о том, как они с Феской вчера, уже в сумерках, сложили узлы в телегу, запрягли гнedyх и тронулись к стоящим на третьей версте цыганам с полной уверенностью в том, что там играется хоть какая, но свадьба, с целым табором очевидцев. До табора они, однако, не доехали.

– Хорошо, хоть туча еще до нас не дошла, месяц светил! В поле светло как днем было! Я гляжу – стог, возле стога – шаль Настькина валяется, в стогу – слышу, ворочается кто-то... Мать божья, думаю, вот так и знала, так и чуяла, что этот поганец всякое соображение утратит! Не в таборе, а в соломе свадьбу сыграет!

Положение казалось безнадежным. Бежать в чужой табор за свидетелями, судя по всему, было уже поздно. Стоя на дороге возле телеги и с тревогой прислушиваясь к доносящимся из стога звукам, Варька и Феска начали лихорадочно решать, что же теперь делать. Через пять минут сестра Ильи уже разводила возле стога костер, а Феска при свете месяца со всех ног мчалась обратно в Москву за своей родней. Деруновы, бывшие в хороших отношениях и со Смоляковыми, и с семьей Насти, могли спасти положение.

Выдернутые Феской прямо из-за именинного стола, пьяные братья Деруновы с восторгом восприняли предложение перебраться с именин на свадьбу. Мать их Тюля, сохранившая трезвый рассудок, возмущенно рявкнула на тут же притихших сыновей, отправила едва переведшую дух Феску за извозчиком, и через несколько минут все семейство летело на дребезжащей пролетке к заставе.

К появлению гостей Варька успела поставить самовар, разложить на скатерти приготовленную с собой в дорогу еду, среди которой, к ее радости, нашлась даже бутылка вина, и завопить около стога диким голосом, вызывая брата и его жену. Илья на этот зов не откликнулся, поскольку спал как мертвый, и Варьке удалось извлечь из соломы только заплаканную, растрепанную Настю. Девушки поняли друг друга с полувзгляда, и, когда спустя час отряд Деруновых во главе с мамашей высадился из пролетки на пустую дорогу, Варька сразу заголосила:

– Ромалэ, уважаемые, будьте свидетелями!

Тюля со старшей невесткой зашли за стог, где отсиживалась Настя, тут же вернулись с мятой, рваной, перепачканной рубашкой невесты, разложили ее перед костром – и начались шумные поздравления с «хорошей девочкой», принимать которые пришлось Варьке: других родственников молодых под рукой, ясное дело, не оказалось. До рассвета оставалось недолго, и гости решили дожидаться пробуждения молодого мужа.

– Пхэнори⁸, спасибо... – только и мог сказать Илья, выслушав рассказ сестры. Та лишь махнула рукой:

⁸ Сестренка.

– Не меня, а бога благодари, что Тюля Настьке крестная и всю жизнь ее знает! А Ефим тебе с Пасхи должен! Вот только попробуй с него теперь долг стребовать! По-хорошему-то свидетели с самого начала сидеть должны были. Ну, уж лучше так, чем вовсе никак... Ох, беда мне с тобой... Ну когда в твоей голове пустой хоть что-то путевое заведется, а?! Или в Старомонетном последний ум выбили?! А еще мне говорил, что я в городе цыганкой быть перестала! А сам-то?!

Варька была трижды права, и Илья не стал отвечать. Сестра еще раз уничтожающе посмотрела на него и отошла в сторону, уступая место Насте, приблизившейся с полотенцем.

– Как ты, девочка? – виновато спросил Илья.

– Слава богу... – чуть слышно ответила она, подавая полотенце. – Какая Варька умница, боже мой... Что бы с нами без нее случилось? Как бы я твоей родне в глаза смотрела?

Илья молча взял у нее полотенце. Через плечо жены посмотрел на кусты черемухи, под которыми белым комком лежала Настина рубашка. Он отвернулся было – но тут же понял, что если не увидит ЭТОГО сам, то промучается потом всю жизнь. И, отстранив Настю, шагнул к кустам. И не обернулся, услышав ее глухой голос:

– Иди, иди, полюбуйся. Успокоишься, может, наконец.

Засохшие пятна крови еще были видны на рубашке. Оглядев их, Илья медленно отступил. Настя стояла отвернувшись, закусив губы. Подойдя, он вытянул из рук жены полотенце. Вытер лицо и пошел к цыганам.

Деруновы ушли, когда солнце стояло уже высоко в небе, на прощание пожелав молодым здоровья, счастья, удачи и мешок детей и пообещав нынче же сходить в Грузины и объяснить Настиному отцу, как было дело. Илья запряг гнедых, оглядел колеса, проверил спицы, взял с передка кнут. Посмотрел на Настю, стоящую рядом. Та грустно улыбнулась в ответ, опустила глаза, и его словно ножом резануло по сердцу от этой улыбки. Илья отложил кнут, притянул жену к себе. Помедлив, через силу проговорил:

– Ну... хочешь, вернемся? Буду опять в хоре петь, привык уж вроде бы.

Жена ответила не сразу, и за это время с Ильи семь потов сошло. И он не сумел сдержать облегченного вздоха, когда Настя сказала:

– Нет уж... Куда возвращаться? Отец меня теперь и видеть не захочет, ведь из-под венца почти сбежала. И ты... Тебе ведь в городе не жизнь была. Я-то ничего, я ведь цыганка все-таки тоже, я привыкну. Знала же, с кем связалась. – Она вдруг подняла голову, широко и лукаво усмехнулась. – Конокрад подколесный!

– А вы – блюдолизы городские! – в тон ей ответил Илья, и оба рассмеялись. Варька, которая тенью замерла у телеги, шумно перевела дух и перекрестилась, но ни Илья, ни Настя не заметили этого.

– Ну, так будем трогать помаленьку, – решил Илья, задрал голову и посмотрев на солнце. Оно уже стояло высоко над полем, купаясь в белых кучевых облаках, грело по-весеннему, без жара. Где-то высоко-высоко заливался жаворонок, в невысокой траве поскрипывали чирки, и сразу две перепелки бестолково кинулись в разные стороны из-под копыт тронувшихся с места лошадей. Илья не стал забираться в телегу и пошел рядом с гнедыми, похлопывая кнута-вищем по сапогу. Босая Варька шлепала по лужам сзади, Настя пристроилась было рядом с ней, но, пройдя полторы версты, устала, порвала туфлю, стерла палец и, смущенно улыбнувшись, полезла в телегу. Варька тут же прибавила ходу и вскоре уже шагала рядом с братом.

– Харчей на сегодня есть? – вполголоса спросил он.

– На сегодня хватит, и на завтра даже, – так же тихо сказала Варька. – А потом... Да что ты боишься, не цыганка я, что ли? Сбегаю в деревню, добуду.

Илья молчал. На сестру не смотрел, скользя взглядом то по небу, то по траве, вертел соломинку в губах. Наконец сказал:

– Настьку не бери пока. Ты и сама все, что надо, достанешь. Не отучилась за полгода-то?

Варька, тоже не глядя на него, пожала плечами.

– Я-то не отучилась... Только ей привыкать все равно придется. Пусть уж сначала я ее поднатаскаю, чем потом наши животы надорвут со смеху.

– Надорвут они... – сквозь зубы процедил Илья. – Языки выдерну гадам!

– Брось. Все рты не заткнешь.

Илья нахмурился, прикрикнул на заигравшую ни с того ни с сего кобылу, смахнул с плеча слепня. Помолчав, сказал:

– Я Настьке обещал, что по базарам она бегать не будет.

Варька только отмахнулась и вскоре замедлила шаг, понемногу отставая и снова пристраиваясь позади телеги. Илья продолжал идти рядом с лошадьми. Он ожесточенно грыз соломинку, тер кулаком лоб и думал о том, что, как ни крути, сестра права: в таборе, где испокон века еду на каждый день добывают женщины, где любая девчонка чуть не с пеленок кричит «Дай, красавица, погадаю!», Насте придется совсем непросто. Да что Настька... Любой человек, оказавшись в непривычных условиях, чувствует себя неуютно. Илья невесело усмехнулся, вспоминая себя и Варьку, явившихся в хор: неотесанных, диких, не умеющих ни встать, ни повернуться... Хорошо, что кончилось все, и не дай бог теперь даже во сне этот город увидеть... Он, Илья Смоляко, снова идет, как прежде, по дороге рядом со своими конями, ловит носом ветер, впереди – встреча с табором, целое лето кочевья, степи и дороги, и шумные конные базары, и магарыч по трактирам, и непременно вечернее хвостовство в таборе между цыганами: кто выгоднее продал, кто лучше сменял, кто ловчее украл... И желтая луна над шатрами. И ржание из тумана лошадей, и девичий смех, и река – вся в серебряных бликах, и долевая песня, теребящая сердце, и ночная роса, и рассветы, и скрип телег, и... И никогда он больше от этого не уйдет, и не променяет кочевую жизнь ни на какие городские радости. Таборным родился, таборным и сохнет, с судьбой не спорят. А вот Настя...

Хотя, может, и обойдется еще. Обойдется наверняка, уговаривал сам себя Илья, сбивая кнутовищем выросшие вдоль дороги мохнатые стебельки тимофеевки. Настька – цыганка все-таки, в крови должно быть хоть что-то... да и привыкают бабы ко всему быстрее. Вон, Варька в Москве уже через неделю довольная бегала и платья городские так носила, будто родилась в них. Чем Настька хуже? Научится, пооботрется, привыкнет. А начнет рожать – и вовсе свой хор позабудет, не до печали станет. Рожать у баб – наиглавное занятие... Рассудив таким образом, Илья окончательно повеселел, позвал сестру, кинул ей поводья и на ходу прыгнул в телегу.

Настя спала среди подушек и узлов, свернувшись комочком и натянув на себя угол Варькиной шали. Платок сполз с ее волос, освободив мягкую, густую, иссиня-черную волну, в которой еще путались стебельки сухого сена. Умаялась, усмехнулся Илья, садясь рядом и стараясь не шуметь. Долго смотрел не отводя глаз на ее чистое, смуглое, строгое лицо, на густую тень от опущенных ресниц, лежащую на щеках, полуоткрывшиеся во сне мягкие розовые губы, тонкую руку, запрокинутую за голову... Какая же красота, отец небесный, глаза болят, плакать хочется, когда смотришь, краше иконы... Илья вздохнул, отвернулся. Увидел торчащий из узла угол Варькиного зеркала. Придвинулся, заглянул, поморщился. В который раз подумал: вот обрзина-то... Чем он Настьке полюбился, до смертного часа гадать будет – не догадается...

– Илья...

Он, вздрогнув, обернулся. Настя, сонно улыбаясь, смотрела на него из-под опущенных ресниц. Илья смущенно, словно его застали за чем-то дурным, отодвинулся от зеркала.

– Ты чего? Ты спи... Разбудил, что ли?

– Нет, я сама...

– Как ты, девочка? Ноги не болят? Под солнцем не уморилась?

– Да хорошо все, не бойся. И вовсе, не... не беспокойся. Я... – Настя виновато улыбнулась. – Я ведь слышала, что вы с Варькой говорили. Я всему научусь. У меня прабабка таборной была... А что смеяться станут – так ничего, встряхнусь да пойду. Мне...

Илья не дал жене договорить, губами закрыв ей рот. Обнял, притянул к себе, чувствуя, как дрожат руки, как снова горячей волной подступает одурь.

– Илья! Илья! – всполошилась Настя. – Да что ж ты делаешь?! Дэвлалэ, стыд какой, там же Варька... Она девка, ей нельзя... Илья, уймись!!!

– Моя Настька... – шептал он, задыхаясь, неловко целуя губы жены, лицо, руки, отгаливающие его. – Моя, господи, моя... Ты меня любишь? Ну, скажи, не ври только, любишь?!

– Люблю, люблю, успокойся, ради бога... Дождись ночи, бессовестный, нельзя же так... Илья, да что ж это такое, уйди отсюда!!! – Настя толкнула его в грудь, и Илья неловко выскочил из телеги. Посмотрел на Варьку. Та с независимым видом вышагивала по дороге. Краем глаза покосившись на брата, фыркнула. Широко улыбнулась и запела – во весь голос, заглушив звенящего под облаками жаворонка:

– Ай, мои кони, да пасутся, ромалэ, в чистом по-о-оле!..

Глава 2

На третий день миновали Можайск. Погода стояла сухая, теплая, солнце катилось по небу, как начищенный таз, и пекло не по-весеннему жарко. Погони из стольного города, которой опасался Илья, так и не последовало, торопиться теперь было некуда. Пускались в путь они до рассвета, неспешным шагом ехали целый день, к закату искали речушку или полевой пруд, чтобы набрать воды для ужина и дать напиться коням, разбивали шатер. Еды Варька захватила из Москвы в достатке, и идти в деревню побираться ей еще ни разу не пришлось. Илья и Настя спали в шатре под пологом; Варька устраивалась снаружи, стеля себе на траву старую перину, хоть Настя и была против этого.

– Еще чего! Не пойду! – смеясь, отмахивалась Варька, когда Настя в сотый раз выглядывала из-под полога и манила ее в шатер. – Я ночью спать люблю, а не непотребство всякое слушать. Все, спокойной ночи вам. – И Варька сворачивалась на перине клубком, накрываясь с головой шалью.

Через три дня кончилась еда. Варька утром вытряхнула из котелка две последние сморщенные картошки и ссохшийся кусок соленого сала.

– На день вам хватит?

Настя кивнула, Илья кисло поморщился. Варька пожала плечами и объявила:

– До вечера дотянете! А остановимся у Крутоярова, схожу туда. – Поймав взгляд Насти, она пояснила: – Деревня большая, богатая, скотины много держат, и барин бывший там поселился. Чем-нибудь да разживемся.

– Как же... – проворчал Илья. – У них сейчас тож животы к спинам подводит, у деревенских-то. Еще не отпахались даже, хлеб прошлогодний вышел весь. Дулю с маком они подадут!

– Значит, дулю с маком есть и будешь, – невозмутимо сказала Варька. – Едем, что ли?

Илья угрожающе пошевелил кнутом. Варька с притворным ужасом прыгнула в телегу. А Илья, поймав испуганный взгляд стоящей у колеса жены, поспешно опустил кнут и, пряча глаза, заорал на лошадей:

– Да пошли, что ли, дохлятина, живодерня на вас!

Гнедые неохотно тронулись с места. Настя на ходу забралась в телегу, уселась рядом с Варькой, которая ловко щелкала семечки, выкидывая шелуху в убегающую из-под колес пыль. Через полчаса молчаливой езды Варька удивленно покосилась на невестку:

– Чего это ты смурная? Спала плохо? Ложись сейчас да подремь малость... Дорога длинная еще.

– Я – нет... – Настя тихо вздохнула. Осторожно подняла глаза на Варьку. Та ответила еще более изумленным взглядом.

– Да что с тобой, сестрица?

– Варька... Ничего, если спрошу? Илья, он... Он что, кнутом тебя бил когда?!

С минуту Варька ошарашенно хлопала ресницами. Затем схватилась за голову и залилась таким смехом, что Илья, идущий впереди, сердито обернулся.

– Ты чего регочешь, дура?! Кони шарахаются!

– Иди, иди... – вытирая слезы, буркнула Варька. Затем шумно перевела дух и посмотрела на Настю. – Ну, сестрица, умори-ила... Не бойся, тебя он в жисть не тронет. На том крест поцелую.

– А тебя? – упрямо спросила Настя.

– Да что ж ты пристала, как репей осенний! – рассердилась Варька. – Ну, было дело один раз! Да не ахай ты, говорю – один! Разъединственный, и тот нечаянно! Илья тогда с базара злой пришел, пьяный – проторговался... А я под руку попалась, сама была виновата. Он всего раз меня и зацепил, и то скользом, я к Стехе в шатер сбежала, спряталась. Лежу там под периной,

реву... Не больно, а обидно, сил нет! А наутро Илья проспался – и не помнит ничего! Я уж отошла, ему и говорить не хотела, так цыгане рассказали. – Варька с досадой поморщилась. – Весь день потом около меня сидел, подмазывался...

– Сколько вам лет тогда было? – тихо спросила Настя.

– Ой, не помню... Может, шестнадцать, а может, восемнадцать. Не мучайся, Настька. Ничего такого не будет. Да если он к тебе прикоснется, я сама ему горло переем! Пусть потом хоть убивает!

Настя задумчиво молчала. Варька, озабоченно косясь на нее, затаила было негромкое: «Не смущай ты мою душу...», но невестка так и не присоединилась к ней.

К Крутоярову приехали засветло: солнце едва-едва начинало клониться к закату и висело потускневшей монетой в блеклом от жары небе. Илья остановил лошадей на окраине деревни, на пологом берегу узкой речонки, лениво текущей между зарослями раkitника, распряг уставших гнедых, вытащил жерди для шатра.

– Выбрал место, черт... – пробурчала Варька, с сердцем ломая о колено сухие ветви для костра. – На конском водопое! Со всей деревни сюда, поди, гоняют!

– Ну и что? – удивилась Настя. – Мы же в сторонке... Разве помешаем?

Варька еще больше нахмурилась, но пояснять не стала. Не глядя, бросила брату:

– Сам огонь разожги, я в деревню пошла!

– Ну, дэвлэса⁹... Эй, Настя! – нерешительно позвал он. – Ты-то куда? Останешься, может?

– Нет, я иду, я тоже иду! Варька, Варенька, подожди меня! – Настя крепче затаила на груди тесемки кофты и побежала вслед за мелькающим на дороге зеленым платком.

У крайнего дома Варька осмотрела Настю с головы до ног. Вздохнув, сказала:

– Туфли бы тебе снять...

– Зачем?

– Ха! Да кто ж тебе подаст, если у тебя туфли дороже мешка с зерном?!

– Они ведь уже разбиты все... – неуверенно возразила Настя. – Ну, ладно, хорошо...

Она сбросила туфли и зашагала рядом с Варькой босиком по серой пыли, но уже через несколько шагов споткнулась, сморщилась и схватилась за ногу:

– Ой-й-й...

– Не до крови?! – кинулась к ней Варька. Они тут же уселись на обочине и принялись рассматривать Настину пятку. Крови, к счастью, не было, но Варька распорядилась:

– Надевай назад! Покалечишься еще... Илья с меня голову снимет.

– Не буду! – взвилась Настя. – Привыкну! Пошли!

Из-за забора тем временем высыпала целая ватага крестьянских ребятишек: голоногих, чумазых, в холщовых рубашках, с растрепанными соломенными головками. Все дети как по команде засунули пальцы в носы и воззрились на цыганок.

– У-у-у, всех в мешок пересажаю! – погрозила Варька, и ребятишки с испуганным щебетом брызнули прочь. Варька рассмеялась и ускорила шаг. Из-за поворота донеслись звонкие детские крики:

– Мамка, тятя, цыганки идут! Одна красивая такая!

– Это про меня! – горделиво подбоченилась Варька, и Настя прыснула. Варька же со смешком указала подбородком вперед: – Гляди – встречают уж!

Действительно, в одном из дворов толстая тетка, косясь на цыганок, торопливо загоняла в изгородь квочущих кур. С соседнего забора молодуха проворно стаскивала сохнувшее белье. Еще дальше сухая, вся в черном старуха, бранясь, волокла домой отчаянно орущего ребенка,

⁹ С богом.

минуту назад спокойно игравшего на дороге. Ребятишки постарше вернулись и, выстроившись вдоль дороги, ели глазами Варьку и Настю.

– Э, красавица, красавица ненаглядная! – завела Варька привычную песню, заглядывая через забор. – Дай на судьбу счастливую погадаю! Денег мне не надобно. За красоту твою все тебе расскажу...

Молодуха недоверчиво, зажимая под локтем сверток белья, подошла к забору – и вдруг всплеснула руками, чуть не уронив выстиранные рубахи в пыль двора:

– Ахти мне! Чудо-то какое! Ос-споди! Тетка Гапа! Нюшка! Ганька! Бежите смотреть, отродясь такой цыганки не видавши! Как с иконы сошла!

У Насти загорелись щеки. Она опустила ресницы и стояла неподвижно все то время, пока к ним с Варькой сбегался народ. Через четверть часа у дороги толпилось полдеревни. В основном это были бабы и ребятишки, тут же взявшие цыганок в плотное кольцо. Они бесцеремонно разглядывали Настю, смеялись, спрашивали: «Откуда ты такая взялась-то, касаточка ясная?»

– Вот какая у нас Настька! – расхвасталась Варька. – Она в нашем таборе лучше всех гадает, правду говорю! Молоденькая, ты ей руку-то дай, не пожалеешь!

Молодуха, первая увидевшая их, смущенно потерла руку о подол и дощечкой протянула Насте. Варька тут же скроила безразличную мину, уселась на траву и, глядя поверх головы Насти на солнце, вполголоса запела по-цыгански:

– Драбар, драбар... Пхэн: «Ром тыро матыбнаре, сасуй тыри злыдня... Ай, Дале, пхарэс тукэ дэ адава кхэр»¹⁰...

– Муж твой молодой пьяница... – неуверенно начала Настя. – Свекровь твоя – ведьмища... Тяжело тебе, милая, в этом доме живется...

– На гара тут палором лынэ, ай ясвэндыр дукхэна якха... – закрыв глаза, напевала Варька. Настя продолжала:

– Недавно тебя замуж взяли, а уже все глаза выплакала, по дому скучаешь. По матушке с батюшкой, по сестрицам малым...

– И по бра-а-атику... – вдруг всхлипнула молодуха, вытирая глаза тыльной стороной ладони. Бабы вокруг сочувственно покосились на соседку. Настя погладила ее по ладони, покачала головой. Вздохнув, посоветовала:

– Терпи, родненькая. Бог терпел и нам велел. Совсем скоро ребеночка родишь, а через год – еще одного, а потом девочку, и все живы будут, и здоровья хорошего, ими и утетишься. Молись богу. Все ладно будет.

Варька оборвала свою песню, изумленно посмотрела на невестку из-под ребра ладони. Та улыбалась всхлипывающей бабе, держа ее за руку.

– Тьфу, проклятая, всю душу раздеребанила... – пробормотала молодуха, трубно сморкаясь в край передника и нехотя вытаскивая пальцы из ладоней Насти. – Погодь, чичас вынесу что найду, пока свекруха в поле...

Она побежала в избу, нетерпеливо отгоняя путавшихся под ногами гусей и ребятишек. А Настю опять принялись вертеть из стороны в сторону:

– Какая чистая, светленькая! Ручки тонкие!

– Ой, глаза какие жгушшие! Мой дурак не увидал бы!

– А что ты еще умеешь делать? Умеешь болести заговаривать?

– Болести я умею! – встряла Варька. – Все, что хочешь, даже дурные могу! Мужики ваши не страдают ли?

Грохнул хохот. Настя смутилась, сердито покосилась на смеющуюся вместе с бабами Варьку.

– Ты им спой лучше. – шепотом посоветовала та. – Без курицы не уйдем!

¹⁰ Гадай, гадай... Говори: «Муж твой пьет, свекровь – злыдня... Плохо тебе в этом доме».

– Как «спой»? Без гитары? Я и не в голосе пока что...

– «Не в голосе»... Что эти-то понимают? Не графья в ресторане небось... Давай «Ништо в полюшке», я подтяну. Эх, Ильи нету, дали бы сейчас жару на три голоса... Эй, люди добрые, вы послушайте лучше, как Настька наша поет! Слушайте, больше уж нигде такого не услышите, в раю разве что, и то если кому свезет...

Настя досадливо взмахнула рукой, обрывая Варькины зазывания. Спокойно, как в хоре, взяла дыхание – и высокая, чистая нота взлетела в меркнувшее небо, где уже зажглись три еле заметные звезды. И тихо-тихо стало на дороге.

Ништо в полюшке не колышется,
Только горький напев рядом слышится...

Чуть погода мягко вступила вторым голосом Варька, и обе цыганки улыбнулись друг дружке, вспомнив одно и то же: вечер в ресторане, молчание люди за столиками, хор, девочка-солистка с длинными, переброшенными на грудь косами... Недавно совсем было это, а кажется – сто лет прошло...

Песня кончилась, и Варька, торжествуяще обведя глазами слушателей, увидела, что почти все бабы хлюпают носами и вытирают глаза углами платков.

– Еще! Дорогая, миленькая, еще спой! Уж так у тебя ладно выходит, любо-дорого слушать! Спой, цыганочка! – наперебой стали они упрашивать Настю, но Варька замахала руками:

– Завтра, люди добрые, завтра еще придем! А сейчас вон смеркается уже, нам к шатру пора, не то Настьку муж приберет, он у нее – у-у-у! Зверь зверущий!

– Вот так завсегда и бывает, – убежденно сказала необъятных размеров тетка с повязанным под обширной грудью серым передником и в разбитых лаптях, видных из-под края изорванной юбки. – Ежели жона – раскрасавица, так мужик – сущий каркадил! Для чего это так, а?

– Для порядка, – важно ответила Варька. – Для единого порядка, тетушка. Рассуди: если сама красивая – так тебе и в мужья красавчика подавай? Не много ль радости для одной? Бог наверху – он все видит... Ну, угощайте, чем не жалко – кидайте в фартуки!

Накидали им довольно много – хотя курицы, как надеялась Варька, никто не дал. Зато принесли картошки, пшена, хлеба, а молодуха, воровато оглядываясь, протянула Насте приличный шматок сала.

– Держи, красивая... Да прячь, прячь, а то еще свекрухе кто нажалится... Продали бы вы мне сулемы, траванула бы я ее, холеру... Да шутю, шутю, чего глаза распахнула? Бежи к своему каркадилу... Да смотрите приходите завтра!

– Ну, курицу завтра возьмем, – загадочно сказала Варька, когда они медленно шли по затянувшейся росой траве через поле к речушке.

– Как это? – удивилась Настя.

– Узнаешь... У, какой туман, завтра жарко будет! Вон огонь Ильи развел, видишь? Заворачивай!

В темной воде реки, невидимые, бродили, плескались, тихо пофыркивали лошади. Тонкий месяц медленно всплыл над раkitником, освещая конские спины, казавшиеся в воде реки залитыми серебром. Костер еще не прогорел, метался жаркими языками среди наваленного хвороста. Двое высоких мужчин стояли возле огня, негромко разговаривая.

– Господи, что ж ты не уберег... – с горечью пробормотала Варька. Настя, идущая впереди, обернулась.

– О чем ты?

– Ни о чем, – буркнула Варька. – Может, обойдется еще...

Но, подойдя к огню, она уже точно знала: не обойдется. В реке рядом с гнедыми Ильи бродили две чужие лошади. Это были конь и кобыла, вороные трехлетки-ахалтекинцы, строй-

ные, с сухими, словно выточенными из кости головами. Лошади лениво переступали в серебряной от лунного света воде, клали головы на спины друг другу, и жеребец все порывался нежно куснуть подругу, а та жеманно отводила круп и косилась на него из темноты блестящим глазом.

– Ох, красота... – пробормотала Варька, перекрестившись. И тут же громко, нараспев заговорила, ускоряя шаг и кланяясь на ходу: – Доброго вам здравия, барин, на многие лета! Илья, что ж гостя на ногах держишь?

Молодой человек в распахнутой на груди косоворотке, стоящий у самой воды, добродушно рассмеялся, отошел в сторону, похлопывая хлыстом для верховой езды по шевровому сапогу, и Варька увидела брата, стоящего по пояс в реке возле вороных коней.

– Дэвла, красавцы мои, невестушка моя милая... – услышала она сто раз слышанный, дрожащий от страсти шепот, сопровождавшийся ловкими перемещениями под мордами лошадей. – Дай-ка ножку... Ах ты, черт, ничего в воде не видно...

– Ровно бабу уговаривает... – буркнула Варька. – Илья, вылезай! Что ты там, головастиков ловить взялся среди ночи? Выходи, ужинать будем! Барин, изволите с нами кушать? Настя, сядь к огню, не то комары сожрут.

Илья остался где был – казалось, и не слышал ничего. Настя молча поклонилась гостю, подошла к костру и опустилась на смятую рогожу. Варька убежала в шатер, загремела там посудой. Молодой человек сел на корточки у огня, внимательно посмотрел в лицо Насти. Та, подняв голову, сначала нахмурилась, но тут же улыбнулась.

Гость был совсем молод, не старше двадцати, – рослый темноволосый юноша с заметной военной выправкой. Костер бросал мечущиеся рыжие блики на его широкое, немного татарское лицо с тонкими усиками.

– Не александровец ли, батюшка? – наугад спросила Настя.

Юноша изумленно рассмеялся:

– Твоя правда, красавица. Полозов Алексей Николаевич, Александровское юнкерское училище. Так ты, стало быть, московская? Как тебя звать?

– Была московская, ваша милость, пока замуж не вышла. Настасьей звать. Да вы садитесь хорошо, сейчас ужинать будем. Варька, со мангэ тэ кэрав?¹¹

– Ничи, поракир райеса¹², – отозвалась Варька. Поняв, что больше занимать гостя некому, Настя снова обернулась к Полозову. Вскоре они разговорились, нашли каких-то общих московских знакомых, и Полозов немедленно начал рассказывать взахлеб о московской цыганке Насте («Вот как тебя, милая, звали, и лет твоих же!»), в которую до смерти влюбился некий князь и даже чуть было не женился на ней. Настя, слушая, только улыбалась и кивала головой.

– Вы сами-то эту Настю видали когда?

– Нет, не довелось, не те доходы были, – честно и со смехом ответил Алексей Николаевич. – Ей, видишь ли, наше купечество под ноги золото горстями метало, а откуда же у бедного юнкера... Впрочем, твой муж говорил, что ты тоже неплохо поешь, правда ли?

– Все цыгане поют помаленьку...

– Не осчастливишь? Я, конечно, не князь, но... – Полозов полез в карман и тут же смущенно вытащил руку. – Ох, да у меня и ни гроша с собой. Я ведь поехал купать лошадей, а тут – шатер, огонь...

Настя покачала головой.

– Оставьте, ваша милость. Вы гость наш. Что вам спеть, песню или романс?

¹¹ Варька, что мне делать?

¹² Ничего, поговори с барином.

– Ты знаешь и романсы?! Ну, спой, пожалуйста... Нет, это ты, верно, не знаешь. Не обижайся, но он только нынешней весной начал входить в моду в Москве – «Твои глаза бездонные»...

– Жаль, гитары нет, – посетовала Настя и, полуобернувшись в сторону реки, где похрапывали и плескались в воде кони, вполголоса запела:

Как хочется хоть раз, последний раз поверить...
Не все ли мне равно, что сбудется потом?
Любовь нельзя понять, любовь нельзя измерить,
Ведь там, на дне души, как в омуте речном...

Дым от костра летел в лицо, и Настя пела, закрыв глаза. Она не видела, как Варька медленно подошла к костру, зажимая под мышкой котел, и опустилась на траву поодаль. Не видела, как весь подается вперед Полозов, по-детски вытянув трубочкой губы. Не видела, как выходит из реки весь мокрый Илья, на ходу отжимающий подол рубахи. И вздрогнула, и грустно улыбнулась, когда Илья вступил вторым голосом:

Пусть эта глубь – безмолвная,
пусть эта даль – туманная,
Сегодня нитью тонкою связала нас судьба.
Твои глаза бездонные, слова твои обманные
И эти песни звонкие свели меня с ума.

Не переставая петь, Настя смотрела на мужа в упор. Он тоже не отводил от нее глаз, и ни разу за все полгода, которые Илья провел в хоре, Настя не слышала, чтобы он пел так, и не видела у него такой улыбки. «Пустили сокола на волю! Ах, слышали бы наши, отец, Митро...» Сильный мужской голос разом покрыл реку, улетел в темное небо, к луне, задрожал там среди звезд, которые, казалось, вот-вот посыплются дождем на землю, закачаются в реке, словно невиданные водяные цветы... Варька не пела. Молча, без улыбки смотрела в лицо брата; сдвинув брови, думала о чем-то своем.

Песня кончилась. Илья, улыбаясь, подошел к гаснущим углям, сел рядом с Настей.

– Хороша моя молодая, а, барин? Тебе такая и во сне не привидится!

Это была уже дерзость, и Настя обеспокоенно взглянула на Полозова: не обиделся ли, – но тот по-прежнему сидел, весь вытянувшись вперед. В его широко открытых глазах бились блики огня, он восхищенно смотрел на Настю.

– Боже правый, да ведь такой... такого... Да ведь тебе в Большом императорском месте, а не в этом шатре! Как же... Куда же вы едете?! Откуда?!

Настя не удержалась от улыбки. Уже открыла было рот, чтобы ответить, но Илья опередил ее:

– Изю Ржева в Серпухов.

– Что же вы такого крюка дали?

– С дороги сбились, не местные мы. Первый раз тут едем.

Настя удивленно посмотрела на мужа, понимая, что он врет; перевела взгляд на Варьку, но та чуть заметно помотала головой: молчи, мол. Лицо у нее при этом было мрачнее тучи, и Настя почувствовала, как в душе зашевелилось ожидание чего-то дурного. Ей больше не хотелось сидеть у огня и болтать с баринком о прошлой московской жизни, и она, поклонившись, встала и отошла к Варьке.

– Куда же ты, Настя! Посиди с нами! – привстал было следом Полозов, но она откликнулась из темноты:

– Прости, барин, некогда.

Варька у самой реки чистила при свете месяца картошку. Настя села помогать. Наугад нашла Варькины холодные, мокрые пальцы.

– Что стряслось? На тебе лица нет! Почему Илья говорит, что мы в Серпухов едем?

– Отстань! – сердито бросила Варька, вырывая руку. – Держи вот картошку! Да не эту, чистую держи... И иди к огню, сиди с ними! Пой, улыбайся! Богу молись, чтоб из Ильи этот бес к утру выскочил! И не спрашивай меня, бога ради, ни о чем!!!

Ничего не понимая и совсем растерявшись, Настя ушла в шатер и сидела там, жадно прислушиваясь к разговору Ильи и Полозова. Понемногу она начала догадываться, что к чему, и по спине забегали морозные мурашки.

Илья никогда не скрывал того, что он конокрад. Его таборное занятие даже прибавляло ему уважения у хоровых цыган, среди которых было много страстных лошадников. Цыганки недоверчиво спрашивали у него: «Неужели ты коней воровал?» – «Случалось...» – смеясь, отвечал он. Но одно дело – шутить и смеяться там, в Москве, и совсем другое – здесь, когда ты жена таборного цыгана, и у него горят глаза, и ничего, кроме пары барских вороных, он уже не видит и знать не хочет... Так вот почему Варька сокрушалась о том, что они разбили шатер у конского водопоя... Она не хотела, чтобы брат даже видел чужих лошадей.

– Настя, выйди к нам! – от голоса мужа, донесшегося снаружи, она вздрогнула. – Спой для барина!

Настя закрыла лицо руками, с отчаянием чувствуя, что не только петь, но даже просто смотреть на Илью она сейчас не сможет. Но муж позвал снова, Настя расслышала в его голосе жесткую нотку и поняла: надо идти.

– Здесь я, Илья. – Она откинула полог, улыбнулась широко, как в ресторане, перед выступлением. – Что же петь? Как ваша милость прикажет?

Засиделись до полуночи. Месяц уже закатился за деревню и пустое поле сплошь затянуло седым туманом, когда гость собрался уезжать. Угли догорели и подернулись пеплом, от реки повеяло холодом. Настя, уставшая после целого дня дороги, не успевшая даже поесть, едва держалась на ногах и из последних сил желала сидящему верхом Полозову:

– Будьте здоровы-счастливы, Алексей Николаевич! Рады были вам петь!

– И тебе счастья, красавица! Скажи своему мужу: тебе в телеге этой не место, пусть в город, в хор везет тебя! – Полозов улыбнулся Насте, чуть склонившись с седла, тут же выпрямился, гикнул – и вороной легко тронул с места. Кобыла помчалась за ним. Вскоре силуэты всадника и лошадей слились с черной полосой дороги.

Илья сидел возле углей, поджав под себя ноги, и жадно уплетал картошку из остывшего котелка.

– Принесла же нелегкая гаджа¹³... – пожаловался он с набитым ртом. – Ни пожрать, ни поспать по-людски. Настька, сядь поешь, пока я все не подобрал... Да что с тобой?

– Ничего. Устала.

– У, глупая, ну так спать ложись! Варька, ты где там?

– Здесь, – послышался глухой голос.

Варька, не поднимая глаз, тащила из шатра свою старую перину и подушку. Настя заметила, как брат и сестра обменялись взглядами, после чего Илья резко отвернулся, бросил ложку в траву и ушел в шатер. Варька в сердцах сплюнула, легла на перину и с головой накрылась шалью. Настя осталась одна. Рядом тоненько звенели комары, на лугу сонно гукала какая-то птица. Настя нашла в темноте ложку, брошенную Ильей, собрала посуду, сложила ее в таз, отнесла к реке, кое-как помыла, борясь со сном. И, оставив таз у телеги, полезла в шатер.

– Настя, ты? – раздалось из темноты. – Иди ко мне. Скорей, ну..

¹³ Нецыган.

Уже в полусне она нырнула под руку мужа, прижалась к нему, вдыхая запах крепкого лошадиного пота, дегтя и полыни, обняла – но Илья не отозвался, он крепко спал. «Может, обойдется еще... Наутро забудет...» – успела подумать Настя. И тут же заснула тоже.

* * *

Настя проснулась оттого, что кто-то тряс ее за плечо.

– Вставай! Вставай! Уезжаем!

Она вскочила, выползла из шатра. Снаружи было еще темно, поле тонуло в тумане, реку с раkitником тоже словно затянуло молоком, утренние звезды неохотно таяли над дальним лесом. Со стороны деревни сонно проорал петух, ему отозвался другой. Над крышами едва-едва розовело. Примятая трава и листья были покрыты мелким бисером росы. Сырой холодок заполз под кофту, Настя поежилась, поискала глазами мужа.

Тот запрягал гнedyх: быстро, без обычных ласковых слов и поглаживаний. Варька собирала в узел посуду, скатывала рогожу. Заметив Настю, сквозь зубы буркнула:

– Помогай.

Вдвоем они сняли шатер, сложили на телегу жерди, свернули полотнище. Увязывая перину и подушки, Настя еле-еле подавила желание ткнуться лицом в пухлый узел да и остаться так. Минувший вечер разом возник в памяти, и теперь стало понятно: Илья не забыл о вороньих.

Когда она справилась с собой и, глотая слезы, поволокла подушки к телеге, Илья уже стоял рядом с сестрой и вполголоса говорил:

– Гнedyх не жалеи, гони. Доедете до Баскаковки, там только придержишь. И целый день чтобы!

– Угу.

– Тяжело будет, но потерпи. Не вздумай напоить посреди пути!

– Знаю.

– Лучше всего вам до Серденева добраться. Там переждете, дашь коням отдохнуть, а ночь опять проедете. Все поняла?

– Все.

– Ежели чего – знаешь, как быть.

– Да.

Варька отвечала не поднимая глаз; Илья тоже смотрел в сторону. Небрежно хлопнув по шее одну из лошадей, он обернулся, глянул на жену.

– Садись в телегу, Настя, застудишься.

– Илья... – задохнувшись, начала она. – Что ж ты делаешь?..

Настя не договорила: Илья подошел к ней вплотную, сжал запястья. Сжал несильно, не желая причинить боли, но Настя невольно охнула: тяжелый, незнакомый взгляд мужа испугал ее.

– Молчи, – глядя на нее в упор, спокойно сказал Илья. – Не серди бога. Лучше за мою удачу молись.

– Но...

– Езжайте.

Илья даже не повысил голоса, но Настя не пыталась больше возражать. Он отпустил ее руки и, не прощаясь, шагнул в туман, разом скрывшись в нем с головой.

– Дэвлэса! – крикнула ему вслед Варька, подождала, пока Настя заберется в телегу, вскочила на передок и, закрутив кнутом над головой, с ненавистью закричала: – Да пошли вы, проклятые, шкуру сдеру!!!

Гнedyе сорвались с места, и телега полетела.

Варька гнала лошадей до полудня. Мимо Баскаковки, нищей деревеньки из двух десятков покосившихся хат, пронеслись как на крыльях, доскакали до большого села на обрыве реки, вымчались на большак – и только там Варька немного отпустила вожжи. Повернулась и зло сказала:

– Ну, что ты воешь? Сколь можно-то? Всю телегу залила!

Настя приподняла с подушки мокрое от слез, вспухшее лицо с налипшими на него волосами. Хотела что-то сказать, но сквозь стиснутые зубы опять прорвалось рыдание, и она снова тяжело упала вниз лицом. Варька с досадой отвернулась, еще ослабила вожжи, и кони пошли шагом. Глядя на их спины, Варька медленно проговорила:

– Слушай, а как же ты дальше собираешься? Только четвертый день замужем – а уж слезами умываешься. Что же дальше-то будет? Илья такой, какой есть, другим уж никак не сделается. Значит, зачем-то богу этакий дух нечистый понадобился на свете... И знала ты про него все еще в городе. И что таборный, и что вор лошадиный, и что никакой другой жизни ему не надо. Вспомни, как он в Москве на стену лез! Даже среди ночи во сне коней требовал! Если бы не ты с красотой своей – месяца бы мы с ним в хоре не пробьли!

Настя села. Взяла старый медный чайник, неловко, то и дело проливая воду на юбку, начала пить прямо из носика. Варька, держа в руках вожжи, молча смотрела на дорогу. Через некоторое время, не оглядываясь, сказала:

– Не сердись на меня, Настыка. Мне ведь тебя жалко. Пропадешь ты с ним, поганцем...

– Не пропаду, – подавив горький тройной вздох, отозвалась Настя. – Одно ты верно сказала: знаю я, за кого пошла. И никого другого не хочу. Погоняй лучше. А хочешь, я тебя подменю?

– Ты? – невольно усмехнулась Варька. – Да они тебе руки повыворачивают. Сиди уж, нос вытирай, а то горит фонарем. Скоро Серденево проедем, там отдохнем. А опять плакать захочешь – пой. Помогает.

– Варька, скажи... – Настя запнулась. – Ты не бойся, я реветь уж больше не буду, но мне знать надо. Если его поймают – тогда что?

– Убьют, – коротко сказала Варька.

Настя зажмурилась. Варька закусил губы, решив не рассказывать невестке о том, что пойманных конокрадов бьют всей деревней, бьют люто, долго, до смерти, и ни разу не было случая, чтобы крестьяне, понадеявшись на власть, послали за урядником.

– Не думай о таком. И говорить про это не нужно: удачу спугнем. Лучше молись. Я тебе еще вот что скажу: Илья с двенадцати лет при таких делах. И до сих пор везло. И я так думаю, что ты ему еще больше удачи принесешь. Красота – она всегда к счастью.

Настя не отвечала, но и всхлипов из телеги больше не было слышно. Протяжно вздохнув, Варька положила на колени вожжи, потеряла уже начавшие нить плечи, осмотрелась. До Серденева оставалось около трех верст.

Остановились за селом, на берегу неглубокого пруда. Измученная Варька распрягла гнедых, которые тут же пошли в воду, и собралась сразу же завалиться спать в тени под телегой, но Настя уговорила золовку выкупаться. На берегу пруда не было ни души, все село, от мала до велика, работало в поле, и обе цыганки вдоволь наплавались в прогретой зеленой воде. После купания захотелось есть, они разделили пополам холодную картошку и хлеб, запили незатейливый ужин теплой водой из чайника, и Варька заснула, едва опустив голову на подушку. Настя прилегла было тоже, но, провертевшись с боку на бок около часа, поняла, что спать все равно не сможет. Она помыла опустевший котелок, разложила на солнце свою и Варькину рубашки, пробралась сквозь заросли репейника и лебеды к дороге и долго-долго стояла под горячим солнцем, вглядываясь в даль, все надеясь – вот-вот покажется... Но на дороге не было ни души. Вздохнув, Настя вернулась к телеге и до вечера сидела у края воды, обхватив колени руками и глядя на веселую игру быстроногих водомеров.

Варька проснулась, когда уже смеркалось. Позевывая, выбралась из-под телеги, почесала растрепанную голову, искала глазами солнце.

– Ого, уже закатывается... Пойду-ка я в село. Там сейчас хорошо, пусто...

– Кому же гадать будешь? – удивилась Настя.

Варька ничего не ответила, только хитровато подмигнула, повязала голову платком и широким шагом направилась в сторону Серденева.

Вернулась она быстро, бегом, запыхавшаяся и довольная. Настя, ожидавшая ее не ранее чем через два часа, испуганно вскочила.

– Что стряслось? Илья?..

– Нет! Держи! – Улыбаясь во весь рот, Варька встряхнула подвязанный узлом фартук – и к ногам Насти вывалилась пестрая курица со свернутой головой. – Прячь! И скатывай рогожу скорей! А я запрягу!

Настя заметалась вокруг телеги. Варька, гортанно гикая, подогнала гнедых, ловко и быстро разобрала шлеи с постромками, укрепила дышло, затянула упряжь – и через несколько минут цыганская телега опять катилась по пыльной дороге.

– Ух, какой у нас к вечеру навар будет! – Варька, сидя на передке, передавала Насте одну за другой четыре луковицы, восемь картошек, три сморщенные прошлогодние морковины и несколько черствых горбушек.

– А это откуда? – По поводу курицы Настя даже не стала спрашивать: и так было понятно.

– Да нашла там девку-невесту хромоногую, мужа ей нагадала к этой осени... Ну, наварим супа, Илью накормим, авось не прибьет! – Варька засмеялась, но Настя не смогла улыбнуться в ответ.

Ночью, как велел Илья, не останавливались, ехали неспешным шагом. Выспавшаяся Варька тихо понукала гнедых, поглядывая на вставший над дорогой месяц. Повернувшись, шепотом спросила:

– Настя, не спишь? Так я запою.

Настя не ответила. Варька причмокнула в последний раз. Положила кнут себе на колени. Негромко запела:

Ах, доля-доля ты моя, доля горькая,
На всем свете я, ромалэ, без родни...

– Ах, пропадаю, погибаю, мать моя... – вполголоса подтянула ей Настя. Она лежала на спине, закинув руки за голову, и смотрела на низкие звезды. Не хотелось уже ни плакать, ни молиться, и даже отчаянное ожидание притупилось, напоминая о себе лишь скребущейся болью под сердцем. Вот только заснуть Настя не могла никак и знала, что до рассвета будет лежать на спине, смотреть на звезды и подтягивать Варьке. Права она: если хочешь плакать – лучше всего запеть. Легче не станет, но хоть не разреवेशься.

Час шел за часом, небо бледнело, звезды таяли. Близился рассвет. Варька уже клевала носом на передке, и вожжи то и дело выпадали из ее рук.

– Настька, спой веселое что-нибудь... – сонно пробубнила она. – Не могу боле...

Настя задумалась, вспоминая песню пободрее, но неожиданно в монотонный перестук копыт и мерный скрип колес вплелись другие звуки: дробные, частые, стремительно приближающиеся. Настя приподняла голову, прислушиваясь. Резко села.

– Варька! Скачут!

– Слышу, – отозвался изменившийся Варькин голос. – Двое скачут.

– Это из деревни! Из-за курицы твоей!

– Станут они из-за курицы, как же... – неуверенно сказала Варька, приподнимаясь на передке. Послушав еще немного, вскрикнула: – Один скачет, а другая лошадь – порожняя! Это...

Но Настя уже не слышала ее. Путаясь в юбке, она скатилась с телеги, упала, вскочила и помчалась по светлеющей дороге сквозь туман навстречу приближающейся дробы копыт. Варька, остановившая гнедых и тоже спрыгнувшая на дорогу, напрасно кричала ей вслед:

– Стой, дурная, они же затопчут тебя!

Бешеный визг и храп лошадей, вставших на дыбы, отчаянная ругань, изумленный возглас – и Илья, соскочивший со спины взмыленного вороного, рявкнул:

– Ты с ума сошла?! В последний минут сдержал!!!

– Господи, живой... Слава богу, живой... – простонала Настя, неловко опустившись на обочину.

Вороной, роняя хлопья пены с морды, подошел и ткнул ее в плечо. Кобыла коротко и удивленно заржала.

– Знамо дело, живой! А как еще-то? Ты взгляни, ты посмотри, какая красота! – Илья поднял жену с земли, подтолкнул ее к лошадям. Он еще не остыл после долгой скачки и сейчас дрожал всем телом, счастливо улыбаясь и блестя черными, чуть раскосыми глазами. От него знакомо пахло лошадиным потом и горькой степной травой, взмокшая рубаха потемнела и прилипла к телу, в волосах надо лбом запутался колючий репейник, но Илья не замечал его.

– Взгляни, глупая! Да за этаких коней полжизни не жаль! Взял! Один взял! И бог помог! И не гнались! Варька! Варька! Варька-а-а!

Варька выбежала из тумана, на ходу стягивая на груди шаль. Сдержанно сказала:

– Вижу, с удачей. Всю ночь гнал?

– Да! День-то возле усадьбы просидел, повысмотрел все, что надо... Глупые там господа, таких лошадок почти без смотра держат! В ночное выгоняют вместе с мужицкими! Я до полуночи в овраге провалялся, а там уж совсем просто было. Мужичье и не проснулось даже! Господи, спасибо, родной! – Илья упал на колени прямо в дорожную пыль, поднял сияющее лицо к еще темному небу. – Приеду в Смоленск – вот такую свечу в церкви поставлю! Кобылу продам, а жеребца Мотыке на свадьбу подарю, он со дня на день ожениться должен!

– Царский подарок будет, – одобрила Варька, обтирая рукавом спину вороного. – Что ж, едем? Настя, где ты?

– Здесь, – коротко отозвалась та. – Едем.

Не глядя больше ни на мужа, ни на Варьку, она медленно пошла к телеге. Илья вскочил на ноги, повернулся к сестре, вопросительно посмотрел на нее. Та пожалала плечами.

– А чего ты хотел? Перепугалась... Но, знаешь, она молодцом держалась. Хорошей женой тебе будет. Хоть и...

– Что?

– Ничего.

– Договаривай!

– Будь у тебя ума побольше – не стал бы ты ее мучить.

– Да чем я ее мучаю?! – взвился Илья. – Ей же лучше! Продам кобылу, деньги будут! Нам жить надо! С твоей ворожбы много ли толку? Или Настыке до седых волос в твоей драной юбке скакать?! Да я ей теперь шаль персидскую куплю с кистями, весь табор от зависти сдохнет!

Варька только отмахнулась. Не оглядываясь, сказала:

– Полезай в телегу, поспи. Доедем до Деричева, тут всего две версты, а там распряжем. Точно знаешь, что не погонят вслед?

– Может, и погонят... в Серпухов. Даже если кто вас и видал – ты же с большака свернула, а там ищи ветра в поле... – Илья, догоняя телегу, говорил все медленнее, то и дело зевая: напряжение уже отпускало, наваливалась усталость после целой ночи, проведенной в седле.

Воронье послушно шли за ним в поводу. Илья привязал их позади телеги. Подошел к сестре, уже сидящей на передке и молча разбирающей вожжи. Немного виновато спросил:

– Взаправду посидишь до Деричева? Я б тебя подменил, но, боюсь, так кулем под колеса и свалюсь.

– Иди спать! – свирепо сказала Варька, хватая кнут.

Илья смущенно улыбнулся, подождал, пока телега проползет мимо него, и вскочил в нее на ходу.

Настя сидела на подушках. Увидев мужа, она через силу улыбнулась, подвинулась:

– Ложись.

– Ну, что ты, Настька? – Илья растянулся на старой перине, закинув руки за голову. – Что с тобой, девочка? Бог удачу послал, такое дело сделали... Все, что хочешь, тебе теперь купить можно! На свадьбе у Мотьки красивой всех будешь! Что хочешь, кольцо, серьги? Говори!

– Ничего не хочу. Ложись.

– И ты ложись!

– Весь в репьях, как в медалях... Лежи, не дергайся! – выпутывая колючие комки из волос мужа, Настя старалась говорить сердито, но голос дрожал, слезы ползли по лицу, падая на разгоряченный лоб Ильи, и он не решался их вытирать. Настя еще не выбрала последний репей, а Илья уже спал, запрокинув лохматую голову и улыбаясь во сне.

Глава 3

До Смоленска добирались десять дней. Илья ругался, гнал ни в чем не повинных гнедых, орал на Варьку, поднимал всех до рассвета и останавливал лошадей уже в полной темноте – но ничего не помогло. Они опоздали: табор уехал из деревни, где обычно зимовал, и тронулся в путь. Немного утешило Илью только одно: деревенские рассказали, что свадьбу цыгане играть не стали, уговорившись справить ее под Рославлем.

– Да за каким нечистым их в Рославль-то понесло?! – не мог успокоиться Илья. – Каким там медом намазано? Из ума они выжили, что ли?

– Каждый год ведь так ездили... – напомнила Варька. Лучше бы не напоминала.

– А ты молчи! Из-за тебя все! То ей на ярмарку надо, то в село, то ей кофту какую-то подавай, то черта лысого... Вот как брошу вас посередеь дороги и верхом уеду! Да чтоб я к Мотьке на свадьбу из-за бабья опоздал?! Он мне до гроба не простит, и прав будет!

И на ярмарку заехать, и кофту купить нужно было не Варьке, а Насте, и та все время порывалась сказать мужу об этом, но посмеивающаяся в кулак Варька украдкой дергала ее за рукав, вынуждая молчать. Когда Илья, вволю наоравшись, плюнул на дорогу, вспрыгнул на передок и завертел кнутом над спинами гнедых, она шепнула расстроенной Насте:

– Ну, что ты суешься-то? Не будет ничего... Знаешь, как черт кошку стриг? Шуму много, а шерсти мало. Илья, если по-настоящему злой, молчит, как каменный. Вон, когда ты за него замуж не шла, он за всю зиму пяти слов не сказал... Эй, морэ, ты куда погнал?! Не догоним ведь!

– А по мне, так и оставайтесь, толку с вас... – донеслось с телеги. Варька с Настей переглянулись, засмеялись и побежали взапуски вслед за скрипящей и раскачивающейся колымагой.

Вороную кобылу Илья продал на смоленском рынке, продал быстро и за хорошие деньги. У Насти появились две новые юбки, золотые серьги, шелковый красный платок и настоящая персидская шаль из переливающейся ткани. Про последнюю обнову Илья с гордостью говорил: «Полкобылы на нее одну ушло!» Теперь было не стыдно ехать и на свадьбу. Подарок – вороной жеребец – бодро бежал за телегой, и Илья уже поглядывал на него с сожалением. Варька шутила:

– До Рославля Илью жаба задушит, не отдаст, сам ездить будет.

– Не дождешься! – рычал Илья. – Слово сказал – значит, так и будет! Успеть бы только, дэвлалэ!

Они успели. К вечеру четвертого дня еще издали послышались песни и крики, которые с каждым шагом лошадей звучали все отчетливей и звонче. Задремавший было с вожжами в руках Илья разом встряхнулся, поднял голову, привстал на передке – и вытянул кнутом гнедых:

– Сыгэдыр, бэнга!!!¹⁴

Испуганные лошади рванули так, что спящие в телеге Варька и Настя проснулись и завизжали на всю дорогу. Илья даже не обернулся и сплеча хлестал кнутом гнедых, встав на передке в полный рост.

– Дэвла, что такое?! – Настя, держась за край качающейся телеги, неловко села. – Илья! Что там?!

– Да ничего! – ответила вместо Ильи Варька. – Вытаскивай свое платье, серьги надевай! Кажись, успели на свадьбу-то, сейчас с налету тебя плясать погонит! Чтоб он утерпел тобой не похвастаться?..

¹⁴ Скорее, черти!

Впереди уже показались верхушки цыганских палаток, дым костров поднимался к небу, многоголосая песня гремела над полем, слышался смех, топот сотни пляшущих ног. Еще один удар кнутом – и перед Ильей открылась небольшая горка, вся, как заплатами, покрытая шатрами. Навстречу подъезжающим бросилась голая мелюзга. Телега чудом не влетела в свадебную толпу, уже раздались испуганные крики, но Илья со всей силы потянул на себя вожжи:

– Тпр-р-р, стоять! Стоять, проклятые!

Лошади стали как вкопанные. Илья спрыгнул на землю, бросил на передок кнут и с широкой улыбкой крикнул:

– Тэ явэньти бахталэ, ромалэ!

Толпа цыган тут же взорвалась восторженными воплями:

– Илья! Илья! Смотрите, это же наш Илья! Смоляко!

Илья шагу не успел сделать – а к нему со всех сторон помчались молодые цыгане, налетели, облапили, чуть не повалили на землю:

– Смоляко! Гляди ты – прилетел! Как ты? Что ты? Откуда? У, какой вороной привязан!

– Отстаньте, черти! – со смехом отбивался Илья. – Пошли вон, кому говорю! Будете жениться – и к вам на свадьбу прилечу! Где дед?

Но дед Корча уже сам шел навстречу. Цыгане расступались перед ним.

– А-а, Смоляко. Явился все-таки, – сказал он вместо приветствия. Илья опустил перед стариком на колени.

– Будь здоров, дед.

– И тебе здоровья. А мы-то ждали-гадали – будешь на свадьбу или в городе корни пустишь... Нет, смотрите – принесся как на крыльях, чуть весь табор не передавил, как урядник какой! Кнута бы тебе хорошего за такую езду!

Цыгане грохнули смехом.

– Я ведь Мотьке обещал! – Илья вскочил на ноги, осмотрелся. – Где он?

Но сначала требовалось подойти к родителям молодых, и Илья пошел в окружении смеющихся цыган к праздничному шатру. По всему холму чадили угли, на них бурлили огромные котлы с едой, прямо на траве были расстелены ковры и скатерти, на которых красовалась лучшая посуда, стояли блюда с мясом, курами, картошкой и овощами, возле одной палатки исходил паром пузатый самовар. Вокруг варева суетились женщины; на коврах восседали, солидно поджав под себя ноги, мужчины и старухи. Несколько молодых цыган играли на гармониях, девушки плясали, поднимая босыми ногами пыль. Илья прошел к самой высокой палатке, возле которой чинно сидели родители жениха и невесты.

– Будь здоров, дядя Степан, тетя Таня... Тэ явэн бахталэ, Иван Федорыч, Прасковья Семеновна. Счастья вам, поздравляю.

– Будь здоров и ты, – ответил за всех отец невесты, серьезный некрасивый цыган с длинным шрамом через все лицо. – Вспомнил-таки про нас в своей Москве? Ну, иди, иди, чяво, с Мотькой поздоровайся.

Все приличия были соблюдены – и Илья, уже без всякой чинности, кинулся к молодым. Жених вскочил навстречу, друзья обнялись с размаху и заговорили, засмеялись одновременно, хлопая друг друга по плечам.

– Смоляко! Ну, слава богу! Я думал – не явишься!

– Да знаю, знаю! Тебя жадность заела друга на свадьбе напоить! Только не дожدهшься! Чуть коней не загнали, так спешили!

– Варька с тобой или в хоре бросил?

– И Варька со мной, и еще кой-кто... – Через плечо Мотьки Илья взглянул на невесту друга и разом перестал улыбаться. В упор на него смотрели темные, с синей ведьминой искрой, никогда не смеющиеся Данкины глаза, сейчас полные слез.

Семья Мотькиной невесты была небогатой, но строгих правил: дядька Степан прочно держал в узде всех шестерых дочерей, старшие из которых уже вышли замуж и имели своих детей, а младшие еще до заката солнца всегда сидели как пришитые у своей палатки рядом с матерью. Данку сосватали больше года назад, и цыгане говорили: Мотька не прогадал. Невеста – красавица, несмотря на неполных пятнадцать лет. Фигура ее была тоненькой и стройной. Мелкокудрявые черные волосы не держались ни в каких узлах и косах, победно выбиваясь отовсюду вьющимися прядями. С нецыгански тонкого лица кофейной смуглоты, из-под изящно изломленных бровей не по-девичьи мрачно смотрели глаза – большие, удлинненные, темные, как вода в глубоком омуте. Этим взглядом Данка отличалась с детских лет, и красоты ее он не портил. Кроме того, девушка великолепно пела, забывая порой даже признанную певицу – Варьку, а когда та уехала в Москву, осталась лучшей в таборе. Сваты начали приходить к Степану табунами, едва Данке исполнилось двенадцать, но тот всем отказывал, надеясь пристроить красавицу-дочь в богатую семью. Так и вышло в конце концов, когда Данку сосватал для сына Мотькин отец.

Встретившись глазами с Данкой, Илья поспешил отвести взгляд: еще не хватало, чтобы цыгане подумали, что он пялится на невесту лучшего друга. Мельком подумал: невесела она, ох как невесела... Год после сватовства прошел, а так, похоже, и не свыклась. Знает ли Мотька? А хоть и знает – что толку? Илья тряхнул головой, отгоняя несвадебные мысли, и позвал:

– Варька! Настька!

Но те уже и сами давно вылезли из телеги и стояли в кольце цыган. Илья подошел – и к нему повернулись восхищенные, улыбающиеся лица.

– Э, морэ, где такую красоту взял?

– Да как за тебя, черта, ее отдали-то? Допьяна, что ли, папашу ее напоил? Или миллион ему посулил?

– Бог ты мой, цветочек какой фиалковый...

Смущенная Настя стояла с опущенными ресницами. Илья протолкался к ней сквозь толпу цыган, потянул за руку:

– Идем!

Первым делом он подвел Настю к деду Корче и Стехе. Та сразу вспомнила:

– Московская? Яшки Васильева дочка? Помню тебя, как же, зимой-то этой виделись. Ах, Илья, дух нечистый, увез-таки? Не силой ли он тебя, проклятый, утащил? А то его дело лихое, мешок на голову и...

– Добром взял, – улыбнулась Настя, понимая, что старуха шутит.

– Ох и намучаешься ты с ним еще, девка... – уже без усмешки вздохнула старая цыганка. И тут же лукаво подмигнула Илье. – А ты что встал столбом? Надулся от гордости, как индюк, а женой похвалиться не торопится! Гей, чявалэ¹⁵, вы что там, замерзли, что ли?

Трое цыган с гармониями, к которым обращалась Стеха, тут же рявкнули мехами, полилась плясовая. Настя с минуту прислушивалась, ловя ритм, а затем легко и просто, словно всю жизнь делала это здесь, посреди луга на вольном воздухе, взяла дыхание и запела свадебную:

Сказал батька, что не отдаст дочку!

Сказал старый – не отпустит дочку!

Хоть на части разорвется —

Все равно отдать придется!

На втором куплете песню подхватил весь табор, а Настя развела руками и пошла по кругу. На ее лице была растерянная улыбка, словно она – известная всей Москве солистка знамени-

¹⁵ Ребята.

того хора – боялась не понравиться здесь, в таборе, среди мужниной родни. Но по застывшим, как статуи, цыганам, по их восхищенным лицам Илья видел: никогда в жизни они такого чуда не встречали, и даже красавица-невеста не затмит его жены.

– Да иди уже, встал... – ткнул его в спину сухой маленький кулак. Илья вздрогнул от неожиданности, обернулся, улыбнулся, увидев Стеху.

– Дзя, кхэл!¹⁶ Не привык, что ли, что тебе одному это все?

Стеха была права. Илья до сих пор не мог поверить, что Настя теперь – его, и не во сне, не в мыслях, а въяве, и на много лет, навсегда, до смерти... Илья вздохнул всей грудью, почувствовав вдруг себя бесконечно счастливым. Шагнул в круг, растолкав весело загомонивших цыган, – и пошел за женой след в след, поднимая руку за голову и улыбаясь так, как Якову Васильеву ни одного раза не удалось заставить его улыбнуться в хоре. Настя чуть обернулась, опустила ресницы, повела плечами. Илья взвился в воздух, хлопнув себя по голенищу – в толпе восторженно заорали, и цыгане один за другим запрыгали в круг, и забили плечами цыганки, и дед Корча, покрывивая и поглаживая рукава рубахи, уже примеривался вступать в пляску, и старая Стеха беззвучно смеялась, поглядывая на него и повязывая на поясе шаль, чтобы та не упала в танце. Вскоре плясал весь табор, от мала до велика, плясали родители молодых, плясал жених, за руку втянули в круг невесту – и закатное солнце, заливающее холм розовым светом, казалось, тоже крутится в небе, как запущенный умелой рукой бубен.

Уже в сумерках цыгане с песней проводили молодых в стоящую чуть в стороне от других шатров палатку и расселись, уставшие от танцев, вокруг костров. Цыганки принесли новую посуду, заменили еду: после выноса рубашки молодой празднование должно было продолжиться с новой силой. Настя замешалась среди женщин: Илья отыскивал ее только по яркому красному платку на волосах, рядом с которым непременно маячил и зеленый Варькин, сестра ни на миг не отпускала Настю от себя. Сам он стоял среди молодых цыган и рассказывал, безбоязненно привирая, о том, как украл вороного. Свидетель его подвига переминался с ноги на ногу тут же, тыкался мордой в плечо Ильи, требовал хлеба и оспорить неправдоподобный рассказ никак не мог. Стоящие чуть поодаль цыгане постарше тоже прислушивались, хотя и посмеивались недоверчиво. Со стороны недалеко реки тянуло вечерним холодом, громче, отчетливее стрекотали в траве кузнечики. Красный диск солнца висел совсем низко над полем и уже затягивался длинным сизым облаком, обещавшим на завтра дождь.

Неожиданно пожилые цыганки, сидящие возле шатра молодых и устало, нестройно поющие «Поле мое, поле», разом умолкли и вскочили на ноги. В таборе один за другим начали стихать разговоры, послышались удивленные вопросы, старики запереглядывались, женщины тревожно зашумели. Через мгновение цыгане мчались к палатке молодых, из которой доносился низкий, хриплый, совсем не девичий вой. Перед палаткой стоял Мотыка с застывшим лицом. К нему тут же кинулись.

– Что, чяво, что, что?!

Мотыка скрипнул зубами, и на его побелевших скулах дернулись желваки. Поискав глазами родителей Данки, он молча швырнул в их сторону скомканную рубашку. Ее на лету подхватила Стеха, развернула, опустила руки и сдавленно сказала:

– Дэвлалэ, да что ж это...

Рубашка невесты была чистой как первый снег. Тишина – и взрыв криков, изумленных возгласов, причитаний. Цыгане бросились к палатке, но первым туда вскочил, расшвыряв всех, отец невесты. Через минуту раздающийся оттуда плач сменился пронзительным визгом, и Степан показался перед цыганами, волоча за волосы дочь. Та, кое-как одетая, закрывала обеими руками обнажившуюся грудь и отчаянно кричала:

¹⁶ Иди, пляши!

– Дадо¹⁷, нет! Дадо, нет! Не знаю почему! Я чистая, чистая! Да что же это, дадо, я не знаю почему!!! Клянусь, душой своей клянусь, я чистая!!!

Но плач Данки тут же потонул в брани и проклятиях. С обезумевшим лицом Степан выдернул из сапога ременный кнут. Две старые цыганки уже тащили огромный, тяжелый хомут¹⁸. Молодые девушки сбились в испуганную кучку, о чем-то тихо заговорили, зашептались, оглядываясь на палатку. Пронзительные крики Данки перекрывали общий гвалт, перемежаемые ревом ее отца: «Потаскуха! Дрянь! Опозорила семью, меня, всех!» Данкина мать глухо, тяжело рыдала, стоя на коленях и закрыв лицо руками, вокруг нее сгрудились испуганные младшие дочери. Цыганки, размахивая руками, визжали на разные голоса:

– А я так вот всегда знала! Побей меня бог, ромалэ, – знала! Нутром чуяла! С такой красотой, да себя соблюсти?! Да никак нельзя!

– Да вы в лицо-то ей гляньте! всю свадьбу проревела, знала ведь, поди, ведьма!

– Тьфу, позорище какое... Зачем и до свадьбы доводить было...

– Как это Степан не унюхал? Полежай теперь, цыган, в хомут! Срамись на старости лет!

– Да когда она, шлюха проклятая, успела-то?! На виду ведь все, дальше палатки не уходила!

– Дурное-то дело не хитрое, милая моя... Успела, значит!

– Парня-то, ох... Парня-то как жалко...

– Родителей ее пожалей, дура! Еще три девки, а кто их возьмет теперь? Ай, ну надо же было такому стрястись... От других-то слышала, что случается, а сама первый раз такое увидела! Господи, не дай бог до этакого дожить... Врагам лютым не пожелаешь!

Илья не принимал участия в разразившемся скандале. Он остался там, где стоял, возле вороного, по-прежнему тычущегося мордой ему в плечо в поисках горбушки, и Илья машинально отталкивал его. В конце концов конь, обиженно всхрапнув, отошел и занялся придорожным кустом калины, а Илья опустился в сырую траву. Пробормотал: «Бог ты мой...», крепко провел мокрыми от росы ладонями по лицу. Возле шатров все сильнее кричали, ругались цыгане, слышался звон битой посуды, Данкинины истошные вопли давно потонули в общем гаме. Из-за этого Илья даже не услышал шороха приближающихся шагов и увидел Варьку только тогда, когда она уже стояла перед ним.

– Илья!

Он сумрачно взглянул на нее.

– Что?

– Илья... – Варька села рядом, свет месяца упал на ее лицо, и Илья увидел, что сестра плачет. – Илья, да что же это такое... Как же так? Ведь это... Быть такого не может, я наверное знаю!

– Откуда знаешь-то? – нехорошо усмехнулся Илья.

Варька ахнула, закрыв ладонью рот, и вцепилась мертвой хваткой в плечо Ильи.

– Дэвла... Да ты... Илья!!!

Илья резко повернулся, взглянул на сестру в упор и сразу все понял. Оторвал руку Варьки от своего плеча, стиснув ее запястье так, что оно хрустнуло. Сквозь зубы медленно процедил:

– Последнего ума лишилась? Мотька – брат мне!

– Но...

– Пошла вон! – гаркнул он, уже не сдерживаясь, и Варьку как ветром сдуло. А Илья остался сидеть, чувствуя, как горит голова, как стучит в висках кровь, из-за которой он больше не слышал поднятого цыганами шума. В реке плеснула рыба, отражение луны задрожало и рассыпалось на горсть серебряных бликов. Илья смотрел на них до тех пор, пока не зарябило

¹⁷ Отец.

¹⁸ По обычаю, если невеста не была девственна, на ее родителей надевался хомут и вся свадьба считалась недействительной.

в глазах. Потом зажмурился, лег навзничь, уткнувшись лицом в мокрую траву. Подумал: и сто лет пройдет – не забыть...

И разве забудешь такое? Забудешь то жаркое, душное лето, когда табор мотался из губернии в губернию, забудешь звенящие от солнца и зноя дни, небо без конца и края, реку и отражающиеся в ней облака, высокие, до плеча, некошенные травы, медовый запах цветов... Девятнадцать было ему, а Данке не исполнилось и четырнадцати. Маленькая черная девчонка с длинными волосами, которые не заплетались в косы, не связывались в узел, а вылезали во все стороны из-под рваного платка и рассыпались по худенькой спине, скрывая линиями ситец платья. Она вплетала в кудрявые пряди ромашки, ловила решетом рыбу в реке, и ее волосы падали в воду. Она бегала по всему табору, лоя отвязавшегося коня Ильи, а однажды украла его рубашку, сушившуюся на оглобле, и вернула наутро, буйно хохоча и напрочь отказываясь объяснять, зачем проделала это. Он носил девчонке цветы, таскал слепых лисят из леса, красовался перед ней на украденном жеребце, а в один из жарких дней затащил ее в копну сена у самого леса. Медовый запах пыльцы стелился над лугом, гудела вековая дубрава, горячие солнечные пятна обжигали лицо, в густой траве пели пчелы. От молодой дури у него кружилась голова, останавливалась кровь от близости худенького смуглого тела, дрожали руки. Рассыпавшиеся волосы девочки закрывали ее лицо, неумелыми были его пальцы, скользкие по едва наметившейся груди, и слова лезли в голову тоже глупые, неумелые.

– Ты меня любишь, Данка?

– Да-а-а...

– Только меня? Одного?

– Да... Подожди...

– Чего ждать?

– Ох, нет... Ильи, постой... Подожди, послушай... Меня завтра сватать придут. Мотькина мама с моей сегодня говорила, я за шатром спряталась, подслушала. Они меня за Мотьку хотят взять. Отец отдаст, я знаю, он Ивану Федорычу с Пасхи должен... Только я к ним не пойду, ни за что не пойду! Убежим сегодня, а? Или, если хочешь, бери прямо сейчас, будешь самым моим первым, а потом... А потом я в реку кинусь.

Он ушел тогда. Ушел, так и не узнав этого молодого тела, не выпив губами полудетскую грудь, ушел, не оглядываясь и не слушая ее тихого плача. Ведь Мотька был его другом, верным другом, с которым сам черт не брат и которого не заменит ни одна девка, даже самая красивая... Только вечером, когда солнце опрокинулось за дубраву, высветив ее насквозь розовыми полосами, Илья вернулся к копне – сам не зная зачем. Девочки уже там не было. В рассыпанном, измятом сене, по которому он, обняв, катал ее, мелькали красные бусинки – одна, вторая... Илья собрал их, ведь это он разорвал неловким движением истлевшую нитку. А на другой день, на сватовстве Мотьки, сумел незаметно подойти к невесте и, пряча глаза, сунуть в ее вспотевшую ладошку найденные им красные бусинки. Все без одной. Одну он оставил себе – круглую и гладкую, как голубиное яичко. Потом потерял, конечно...

Рядом послышались медленные шаги, и Илья приподнял голову. Луна взобралась еще выше, и весь берег был залит голубоватым светом, в котором острые листья камышей и кусты ракитника казались вырезанными из металла. В таборе еще шумели, но уже не так оглушительно: лишь несколько женских голосов, сердито бранящихся, доносились от шатров. Неподалеку фыркали кони, тихо переговаривались сторожащие их дети. Тонко, надоедливо звенели комары. Илья с досадой отмахнулся от них, встал на ноги. Покосился на раскачивающиеся кусты, сквозь которые кто-то только что спустился к воде. Подумал и пошел следом.

Мотька сидел на корточках у самой воды и жадно пил из пригоршни утекающую сквозь пальцы воду. Шагов позади он, казалось, не слышал, но когда Илья остановился у него за спиной, глухо спросил:

– Чего тебе?

– Ничего. – Илья сел рядом на песок. Он слышал хриплое, прерывистое дыхание друга и отчаянно пытался сообразить, что сказать, как утешить, но слова не лезли в голову.

– Иди к нашим, – все так же не глядя на него, бросил Мотька.

– Сейчас пойду. Послушай... – Илья умолк, проклиная собственную безъязыкость. Зачем, спрашивается, Варьку прогнал? Вот она бы сейчас запросто... – Морэ, да ну ее к чертям, что ты, ей-богу... Еще хорошо, что сейчас вылезло, а то бы жил до конца дней с потаскухой... Ну, хочешь, Варьку свою за тебя отдам?! Она с радостью пойдет, не беспокойся! Хочешь?.. – Илья осекся, вдруг сообразив, каким крокодилом будет смотреться его Варька после красавицы Данки. Но Мотька, казалось, не обратил внимания на невыгодность мены. Не поднимая головы, с трудом проговорил:

– Спасибо. Поглядим. Варьке только сначала скажи. Если она не захочет – я и подходить не буду.

– Она у меня честная. – Илья перекрестился, хотя Мотька не смотрел на него. – Хоть сорок простыней подкладывай!

– Знаю. – Мотька вытер лицо рукавом рубахи, шумно высморкался и лишь после этого повернулся к другу. – Вороного заberi. Раз свадьбы не вышло, то и подарки назад.

– Зарежу его собственной рукой, – свирепо сказал Илья, – если не возьмешь.

– Спасибо. – Мотька опустил голову. – Ты... иди, Смоляко. Я посижу еще.

Илья молча поднялся. Медленно прошел мимо ссутулившейся фигуры друга и зашагал к табору, гадая, додумалась ли Варька растянуть палатку или же, как и другие бабы, еще метет языком возле костра. Спи тогда, как босяк, на траве, от Настьки пока что проку мало. Настька... Она-то где? Не повезло ей, невесело усмехнулся про себя Илья. Не успела в табор явиться – и тут такое, всю жизнь вспоминать да креститься хватит. Ничего, обвыкнется понемногу.

Шатер, однако, был раскинут по всем правилам, возле него догорал огонь. Варька выбежала навстречу брату, едва он вступил в освещенный углями круг света, осторожно коснулась руки.

– Илья, ты прости меня, ради бога, не сердись, я же...

Но брат, который, по ее разумению, должен был явиться мрачнее тучи и обиженным на сто лет вперед, отмахнулся со снисходительной усмешкой:

– Сердиться еще на тебя, курицу... Настька где?

– Там. – Варька кивнула на шатер. – Перепугалась сильно, плакала, есть даже ничего не стала. Упала на перину и лежит, не двигается.

– Спит?

– А я знаю? Дай бог... Иди к ней.

– Сейчас. – Илья сел возле гаснущего костра, задумчиво посмотрел на Варьку. Когда та, удивленная его взглядом, приблизилась и опустилась рядом, он отвернулся. Глядя на малиновые, лениво подергивающиеся пеплом угли, сказал:

– Мне бы поговорить с тобой.

– Что такое? – Варька тоже уставилась в огонь. Илья молчал, и она спокойно спросила: – Сваты, что ли? Ну, выбрали время...

– Тьфу... У вас, бабья, одно только на уме, – обескураженно проворчал Илья. – Ну, не сваты пока, но, может, скоро...

– За Мотьку?

– Ты подслушивала, что ли, зараза?!

– Очень надо... – Варька не отрываясь смотрела в костер. – Ты с ним самим или с отцом его говорил?

– Только Федорычу до меня теперь... С Мотькой перекинулись. Пойдешь, что ли, Варька?

Сестра молчала. Ее некрасивое лицо, по которому скользили рыжие пятна света, ничего не выражало, глаза замороженно глядели на огонь.

– Я тебя не понуждаю, спаси бог. Ты одна у меня сестра, хочешь в девках вековать – твоя воля. Только, я ведь знаю, ты детей хочешь. А когда еще случай-то будет? Мы с тобой небось не херувимы оба, никто не польстится...

– Вон Настька за тебя пошла, – резко парировала Варька.

– Ну, Настька... – растерялся Илья. И умолк, не зная, что ответить. Потом медленно проговорил: – В Москве тебе все равно ловить нечего. Коль уж Трофимыч за полгода ничего не понял, так теперь и подавно. Да еще и...

– Помолчи! – резко оборвала его Варька. В упор посмотрев на брата, сказала: – С Мотькой я сама поговорю. И... выйду я за него, выйду, не беспокойся. А сейчас иди к Настьке, ради бога, дай мне посидеть спокойно.

Илья быстро встал и ушел в шатер, радуясь, что дешево отделался. Он очень не любил, когда у сестры появлялся этот взгляд – сухой и отрешенный, почти чужой. К счастью, такое бывало редко. А Варька просидела возле костра до утра, то и дело подбрасывая в умирающие угли ветви и солому. Она то дремала, то сидела с открытыми глазами, не моргая, но по щекам ее, бесконечные, ползли слезы. Ползли и капали на стиснутые у горла руки, на колени, на потертую, перепачканную золой юбку.

* * *

Вставшие на рассвете женщины первыми увидели, что двух телег дядьки Степана нет на месте. Не было и лошадей, и шатров, принадлежавших самой большой в таборе семье, не было и самой семьи. Никто не удивился тому, что после такого позора отец Данки не захотел оставаться в таборе. Варька, всю ночь без сна просидевшая у своего шатра, видела, как Степан и дед Корча перед самым рассветом вдвоем стояли возле реки и тихо говорили о чем-то. Разговора Варька не слышала, молилась, чтобы оба цыгана ее не заметили, и о том, что видела, рассказала только брату.

– Корча ему небось советовал, куда откочевывать, – подумав, сказал Илья. – Здесь-то совсем теперь нехорошо будет, да и девок замуж не выдашь... Поедут, верно, в Сибирь. Настя, ну что ты плачешь опять? Да что тебе эта Данка, сестра, что ли, что ты так убиваешься?

– Да я ничего... – отмахнулась Настя, хотя глаза ее были красными от слез. Она быстро вытерла их и вместе с Варькой принялась стягивать полотнище шатра с жердей. Нужно было торопиться, табор снимался с места. Цыгане собирались ехать на Дон, к табунным степям.

Опозоренной невесты простыл и след. Цыгане шептались, что она до сих пор может отлеживаться где-нибудь в траве после отцовских побоев. А уже перед тем, как табор был готов тронуться с места, со стороны реки примчалась испуганно орущая ватага детей: на берегу, у самой воды, валялись скомканные, изорванные юбка с кофтой, в которых Данка выходила замуж. Следы босых ног, отпечатавшиеся на песке, уходили в воду. Табор взорвался было гулом взволнованных голосов – и сразу умолк. Цыгане попрыгали по телегам, засвистели кнуты, залаяли собаки, и табор чуть быстрее, чем всегда, пополз прочь по пустой дороге: всем хотелось поскорее убраться с этого проклятого места.

Илья, поразмыслив, пристроил свою телегу в самом хвосте – и убедился в правильности своего решения, когда увидел едущего верхом им навстречу Мотьку. Варька, идущая позади телеги, тоже увидела его, поймала взгляд брата, нахмурилась и замедлила шаг, отставая. Илья перекинулся с подсказавшим Мотькой коротким приветствием, зевнул, вытянул кнутом гнедых, и телега покатила быстрее. Мотька спрыгнул с лошади и пошел рядом с Варькой.

– Доброго утра, чяери¹⁹.
– И тебе тоже, – отозвалась она.
– Илья... говорил с тобой вчера?
– Говорил. Спасибо за честь.
– Пойдешь за меня?
– Пойду, коли не шутишь.
– Какие теперь шутки. – Мотька умолк, глядя себе под ноги, на серую пыль, уже покрывшую сапоги. – Только, чяери... Попросить хочу.
– Знаю. Чтобы свадьбы не было. – Варька улыбнулась углом рта и впервые обернулась к Мотьке. – Мне ведь эта свистопляска тоже ни к чему. Давай уж, что ли, убежим? У нас с Ильей тетка в Рославле, доедем до нее, там и поженимся.
Мотька тоже невольно усмехнулся.
– Что ж... Ежели погони не боишься...
– Кому нас догонять-то? Илья всю ночь согласен без просыпу дрыхнуть, лишь бы меня с рук сбить.
– Ну-у, что выдумала... – протянул Мотька, но Варька была права, и он, помолчав, сказал только: – Сегодня, как стемнеет, жди. Да Илью упреди, чтоб не подумал чего...
– Упрежу.
Мотька вскочил на коня и, не глядя больше на Варьку, ударил пятками в бока вороного. Когда тот скрылся за плывущими впереди телегами, Илья с передка спросил:
– Ну, чего?
– Сговорились ночью убежать.
– А свадьба как же?..
– Свадьбы ему теперь в страшных снах только сниться будут, – без улыбки сказала Варька. – Пусть уж так. К тете Симе в Рославль поедем.
– Ну, добро. Смотри не передумай до ночи-то.
Варька кивнула. Высунувшаяся из телеги Настя взволнованно окликнула ее, но Варька сделала вид, что не услышала, и продолжала идти. Ее сощуренные глаза глядели в рассветное небо, на медленно плывущие облака.

¹⁹ Девочка.

Глава 4

Лето на Дону в этом году оказалось сухим и жарким. За июль и пол-августа не выпало ни капли дождя, над степью нависло белое небо с блеклым от жары, огромным шаром солнца. Табор еле полз по дороге в облаках пыли, замучившей и людей, и лошадей. Лохматые собаки подогу лежали вдоль дороги, высунув на сторону языки, и потом со всех ног догоняли уползшую за горизонт вереницу телег – с тем, чтобы через полчаса снова свалиться в пыль и вытянуть все четыре лапы. Цыгане ошалели от жары настолько, что даже не орали на лошадей, и те шли неспешно, не слыша ни проклятий, ни свиста кнута. Старики каждый день обещали дождь, и действительно, к вечеру на горизонте обязательно появлялась черная туча. Но ее всякий раз уносило куда-то вдаль, за Дон, и с надеждой поглядывающие на тучу цыгане разочарованно вздыхали.

Илья шел рядом с лошадьми, вытирая рукавом рубахи пот, заливающий глаза. Иногда он замедлял шаг, ждал, пока телега проплывет мимо него, и спрашивал у идущей следом за ней жены:

– Настька, как ты? Ежели тяжело – полезай в телегу! Гнедые не свалятся небось...

Настя, запыленная до самых глаз, только качала головой. Рядом с ней брела такая же грязная и замученная Варька, у которой не было сил даже привычно запеть, чтобы разогнать усталость. Сзади скрипела Мотькина колымага, и ее хозяин, так же как Илья, сипло чертыхаясь, тянул в поводу то и дело останавливающихся коней.

С того дня, как семья Ильи Смоляко вернулась в табор, прошло почти три месяца. Варька с Мотькой все-таки убежали тогда вдвоем. Илья, спавший вполглаза, слышал тихий свист из кустов и то, как Варька, путаясь в юбке, на четвереньках подползает под край шатра. Илья приподнялся на локте, сонно посмотрел вслед сестре, проворчал: «Ну и слава богу...» – и, не слыша того, как рядом тихо смеется Настя, тут же заснул снова.

Варька с Мотькой нагнали табор через неделю. Вместе с ними на телеге приехала и тетя Сима – еще молодая, но величественная, как соборная церковь, цыганка с целой оравой своих братьев и их жен. Приехавшие подтвердили, что честь невесты была неоспорима и что Варькину рубашку своими глазами видела вся цыганская слобода в Рославле. В таборе посудачили, поудивлялись, повздыхали и решили, что так оно, наверное, и правильное.

Мотька был младшим сыном в семье, своего шатра не имел и жил с родителями. Те сразу приняли Варьку, тоже, видимо, подумав, что так лучше и для сына, и для них. К тому же Илья дал за сестрой годовалую кобылу, новую перину, шесть подушек, самовар, три тяжелых золотых перстня и двести рублей денег, что было, по таборным меркам, очень неплохо. Варька начала вести обычную жизнь молодой невестки: вскакивала на рассвете, носила воду, готовила и стирала на всю семью, бегала с женщинами гадать и еще успевала опекать Настю и подсовывать ей куски. Мотька, конечно, видел то, что молодая жена живет на две семьи, но не возражал. Ему было безразлично. Илья никогда не видел, чтобы они с Варькой обменялись хоть словом, Мотька даже не называл жену по имени. Сначала Илья хмурился, но Варька как-то сказала ему:

– Да перестань ты стрелы метать... Ты же лучше всех знаешь, почему он меня взял. И почему я пошла. Я ему как прошлогодний снег, так ведь и он мне тоже. Так что хорошо будем жить.

Илья сомневался в этом, но спорить не стал: сестра и впрямь выглядела если и не особо радостной, то хотя бы спокойной. А раз так – пусть живет как знает. Не глупей других небось.

Начал он понемногу успокаиваться и по поводу Насти. Жене Ильи ничего не говорил, но в глубине души отчаянно боялся, что таборные не примут ее, городскую, ничего не умеющую, знающую лишь понаслышке, что в таборе женщина должна гадать и «доставать». И действи-

тельно, первое время в каждом шатре мыли языки, и Илья ежеминутно чувствовал на себе насмешливые взгляды. Он злился, обещал сам себе: как только кто откроет рот – по репку вгонит в землю кулаком. Но в таборе Илью побаивались, и в глаза ни над ним, ни над Настей никто не смеялся. Цыганки, правда, поначалу держались с Настей отчужденно, ожидая, что городская краля будет задирать нос, и готовились сразу же дать достойный отпор. Но Настя безоговорочно приняла правила таборной жизни: не заносилась, не стеснялась спрашивать совета, не боялась показаться неумехой, сама громче всех смеялась над собственными промахами, и в конце концов женщины даже взялись опекать ее. То одна, то другая с беззлобной усмешкой показывала растерянно улыбающейся Насте, как правильно развести огонь, укрепить жерди шатра или напоить лошадь. Илья, который еще в Москве приготовился к тому, что семью ему придется как-то кормить самому, уже устал удивляться. Чего стоило одно то, что жена теперь вскакивала по утрам до света!

– Да спи ты, куда тебя несет, успеется... – ругался он сквозь сон, услышав тихое копошение рядом. – В хоре-то, поди, раньше полудня не вставали...

– Не в хоре ведь, – резонно замечала Настя и выбиралась из-под полога в предрассветную сырую мглу. Таборные женщины уже рассказали ей, что идти в деревню на промысел нужно рано утром – позже все деревенские, кроме старых да малых, окажутся в поле. А до этого еще надо успеть принести воды и поставить самовар...

Со стряпней на костре тоже был смех и грех: Настя, которая не умела готовить даже в печке, то и дело бросала варево на углях и мчалась за помощью к Варьке. В конце концов в котелке появлялось что-то неопишное, что сама Настя грустно называла «гори-гори ясно» и боялась даже показать мужу.

– Плевать, дай сюда, съем! – героически обещал Илья.

– Господи, да ты отравишься!

– Ла-адно... Не барин небось.

Впрочем, Варькины советы помогали, и стряпня Насти с каждым днем становилась все лучше.

Первое время Илья не позволял жене болтаться с гадалками по деревням, но она упрямо настаивала на этом сама. Когда добытчицы скопом шли в ближайшее село, Настя храбро шагала вместе с ними, босоногая, в вылинявшей кофте и широкой юбке. Илья не знал, смеяться тут или плакать. Ведь все равно, как ни старалась Настька, она выделялась среди смуглой галдящей стаи своим не успевшим загореть лицом и слегка испуганными глазами. К счастью, рядом неотлучно были Варька и старая Стеха, и Илья знал: пока они рядом, жену не обидит никто.

Едва зайдя за околицу, цыганки крикливой саранчой рассыпались по хатам: гадать, ворожить, кланчить, лечить, творить особые, никому из деревенских не известные «фараонские» заговоры... Варька умудрялась за два часа погадать на судьбу в одном дворе, зашептать печь, чтобы не дымила, в другом, вылечить кур от «вертуна» в третьем... А еще мимоходом научит некрасивую девку, как привадить женихов, присоветует суровому старосте, что делать, если сцепятся жена и полюбовница. А то всучит необъятной попадье мазь, «чтоб в середке не болело», и ухитрится втихомолку надергать на ее огороде морковки... О Стехе и говорить было нечего: та семьдесят лет провела в кочевье и даже не опускалась до воровства. Крестьянки тасили ей снедь сами, и без курицы удачливая бабка в табор не возвращалась. Про Настю Стеха, незло посмеиваясь, говорила:

– Тебя, девочка, только как манок брать с собой! Поставить середь деревни и, пока гаджэ²⁰ на твою красоту плятятся, все двory обежать и все, что можно, прибрать.

²⁰ Нецыгане.

Та грустно улыбалась: Стеха была права. Внешность Насте и в самом деле помогала. Часто, войдя на деревенский двор, Настя не успевала слова сказать – а хозяйка уже бросала все свои дела и с открытым ртом глазела на цыганку небесной красоты, идущую по деревенскому двору, словно царица по тронной зале.

– Дэвлалэ, видели б господа московские, – вздыхала Варька, – как ихняя богиня египетская по навозу голыми пятками шлепает...

Настя только отмахивалась:

– Не замучилась вспоминать, сестренка? Дело прошлое...

Подходя к хозяйке, она несмело предлагала: «Давай, брильянтовая, погадаю...», но «брильянтовая» пропускала эти слова мимо ушей и визжала в сторону дома:

– Эй, выходите, родимые! Поглядите, какая к нам цыганка пришла!

Тут же сбегалось полдеревни баб, и на Настю смотрели, как на вынесенный из церкви образ. Настя ловила ту, что поближе, за руку и начинала говорить что-то о судьбе и доле. Иногда даже «попадала в жилу», и ее слушали с открытым ртом. Но чаще всего гадание не получалось, и крестьянка со смехом выдергивала грязную, растрескавшуюся ладонь:

– Отстань, я про судьбу сама все знаю. Дай лучше посмотреть на тебя. А ты петь не умеешь?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.